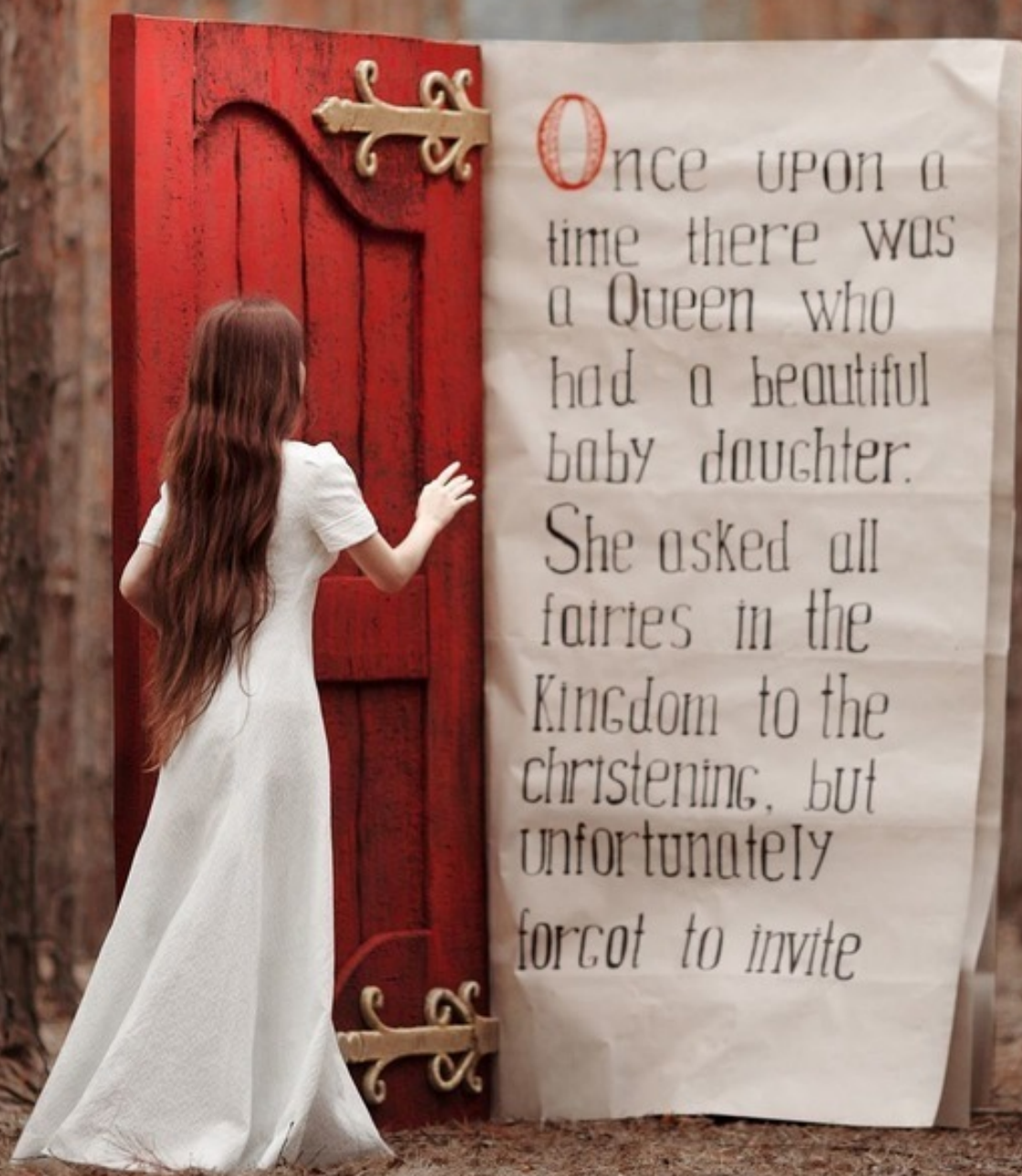

18+

Потусторонние

Once upon a time there was a Queen who had a beautiful baby daughter. She asked all fairies in the Kingdom to the christening, but unfortunately forgot to invite

МИСТИЧЕСКИЕ ИСТОРИИ

Ольга Лисенкова

Потустраничье

«Издательские решения»

Лисенкова О.

Потустраничье / О. Лисенкова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-967124-0

Книжная обложка — всегда порог, и всякий раз не знаешь, что ждёт тебя в новом путешествии. Растрогают ли тебя слова автора до слёз, станешь ли ты хохотать над героями или останешься равнодушным? А может быть, в книге кроется тайна, которая изменит всю твою жизнь. Вы тоже из тех, кто ждёт от книги чудес? Тогда приглашаем вас в Потустраничье!

ISBN 978-5-44-967124-0

© Лисенкова О.
© Издательские решения

Содержание

Вступительное слово	6
Жить	7
Квартира №40	18
Муза	27
Ловушка Безголового	34
Авантюра	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Потустраничье

Авторы: Лисенкова Ольга, Искварина Александра, Данген Виктория, Платунова Анна, Зорин Виктор, Костина Наталья, Остромина Арина, Лисенков Андрей, Зорина Екатерина, Роз Рената, Слауцкая Ольга

Редактор Ольга Лисенкова

Дизайнер обложки Рената Роз

Фотограф Марина Хоменко

© Ольга Лисенкова, 2019

© Александра Искварина, 2019

© Виктория Данген, 2019

© Анна Платунова, 2019

© Виктор Зорин, 2019

© Наталья Костина, 2019

© Арина Остромина, 2019

© Андрей Лисенков, 2019

© Екатерина Зорина, 2019

© Рената Роз, 2019

© Ольга Слауцкая, 2019

© Рената Роз, дизайн обложки, 2019

© Марина Хоменко, фотографии, 2019

ISBN 978-5-4496-7124-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вступительное слово

Книжная обложка – всегда порог, и всякий раз не знаешь, что ждёт тебя в новом путешествии. Растрогают ли тебя слова автора до слёз, станешь ли ты хохотать над героями или останешься равнодушным? А может быть, в книге кроется тайна, которая изменит всю твою жизнь.

Книга таит загадки ещё и потому, что каждому читателю она открывается по-своему. Для кого-то та или иная книга останется странным недоразумением, которое быстро выветрится из памяти, а кому-то станет верным другом. От чего это зависит? Может быть, сам автор вступает в диалог с читателем, выбирая тех, кому может доверить свои сокровенные мысли и чувства, – даже если писателя уже давно нет в живых? Вполне рабочее допущение для тех, кто пишет мистические рассказы...

Благодаря книгам мы можем услышать тех, кто жил за сто, двести, триста, пятьсот лет до нас. Можем узнать, о чём молчит современник.

И, раз уж вы открыли этот сборник (или файл), я уверена, вы тоже принадлежите к тем, кто верит, что книга – это чудо. Через маленькие чёрные значки на плоском белом листе проступают лики и судьбы. Готовы заглянуть вместе с нами в Потустраничье?..

Ольга Лисенкова

Жить Александра Искварина

*Жить в твоей голове
и любить тебя
неоправданно, отчаянно...
(Земфира)*

1.

Чтения сегодня хотелось, как воздуха. После безрадостного пробуждения в пустой постели; после душного транспорта; после стылого, до безжизненности кондиционированного офиса с такими же стылыми и безжизненными коллегами; после маминого звонка днём с дежурным описанием всех её недугов, недугов её подруг и недугов телезнаменитостей; и после возвращения в пустую неуютную квартиру.

Веда стряхнула с ног босоножки, бросила сумку на тумбочку у зеркала и кинулась в комнату. Прошлась торопливо вдоль книжных полок, жадно ведя пальцем по знакомым до последней крапинки, царапины и залому корешкам. Нет, Тургенев нынче не поможет. Достоевский нагонит тоску. Остен? Ох, нет, только не сегодня... Палец привычно запнулся о шершавую, заскорузлую от старости ткань толстого корешка с крупными чёрными округлыми буквами «Иван Ефремов». Аккуратно вытянула истрёпанную книгу, села в кресло.

Эх, мама, мама... Ведь когда-то любила читать до такой степени, что назвала дочь именем героини «Туманности Андромеды»! Теперь у неё в руках разве что брошюрку по здоровому образу жизни увидишь. Остальное забрал телевизор. А несколько лет назад мама чуть было не выбросила всю свою огромную библиотеку на помойку. Мол, пыль копится, пылевые клещи плодятся, зараза-аллергия-ужас-ужас... Дочь вцепилась в увязанные колючей верёвкой стопки, перетаскала к себе в тесную однушку, заботливо перебрала и расставила по полкам всё, что пришлось по душе, остальное отнесла в библиотеку.

Веда открыла книгу, тихонько погладила скруглившиеся от времени углы страниц. Бумага внутри стала совсем жёлтая, надо же. Рисунков всего несколько, зато раскрашены детской рукой Веды. Один – фломастерами, перезаправленными одеколоном: заправляла сама, перелила, открыла колпачок, и на страницу капнуло несколько прозрачно-розовых клякс, а раскрашенный рисунок пропитался на изнанку листа и местами даже ещё на пару соседних. Веда несколько минут разглядывала лицо нарисованной девушки, на которую так хотела быть похожей в детстве: с густыми чёрными волосами облаком по плечам, чернобровый, пухлогубой... Ей же достались тонкие мутно-русые волосёнки и бледное лицо с невнятными, словно затуманенными чертами, которые приходилось каждое утро проявлять макияжем.

Нет. Ефремов нынче тоже не пойдёт... Веда собралась поставить книгу на место, и тут взгляд споткнулся о незнакомую обложку во втором ряду. Это было странно. Все свои книги Веда знала наперечёт и точно помнила, где что стоит. Новые же всегда ожидали прочтения в первом ряду. Как же эта туда попала? Веда вынула ещё пару книг и дотянулась до незнакомки в тёмно-зелёной бархатистой обложке. Это что, настоящая замша?! Быть такого не может. Книга выглядит новой, а значит, стояла бы целое состояние! Веда не могла себе позволить коллекционных изданий, всегда покупала попроще. Что-то из маминой библиотеки? Тоже вряд ли, Веда тогда все до единой книжки перебрала, уж такое чудо запомнила бы. С имени автора осыпалась позолота, разобрать мелкие, слабо вытисненные буквы не получилось. Под именем заголовок – «Жить». Хм. Ну, ладно. Почитаем. Надо только всё-таки обернуть чем-нибудь, чтобы не попортить роскошную замшу.

Не придумав ничего лучше, Веда соорудила обложку из разрезанного полиэтиленового пакета, завернула края внутрь книги, скрепила скотчем, посмеиваясь над незатейливым сооружением. Когда-то, в небогатом постсоветском детстве, она частенько так оборачивала учебники, только вместо скотча сцепляла края обычными скрепками – менее надёжно, но уж что под руками было.

Хорошо. Теперь и на кухню с собой не страшно брать.

Ужин она готовила в спешке: сварила тонкой вермишели, засыпала тёртым сыром, погрела в микроволновке пару сосисок. Мама бы с ума сошла от такого зрелища. Но Веде не терпелось. Умолившись с ногами на стуле, она придвинула тарелку, поставила перед ней книгу и открыла.

2.

Ну, наконец-то! Святые Реки, я думал, с ума сойду. Где же ты была?! Почему так долго? Мне столько нужно тебе рассказать, моя ласка. Целую жизнь...

Знаешь, где я родился? Готов поспорить, подобного места тебе даже не выдумать, не то что не найти на карте. Там было красиво так, что всякий раз при одном воспоминании у меня перехватывает дыхание. Там было страшно так, что я по сей день просыпаюсь в глухой час Чёрной Воды, мокрый с головы до ног, будто выкупанный в ней.

Что? Ты хочешь знать моё имя? Подожди. До имени мы ещё доберёмся. Сначала я представлю тебе моих родителей. Забавно, но это были, наверное, самые заурядные люди из всех, кто жил в нашем городке.

Отец охотник, доставлял дичь к столу старейшины Гойслава. Что может быть здоровее? Вставать на рассвете, идти в дикий хвойный лес, высматривать следы горных коз среди камней, поросших таким слоем мха, что нога в нём утопает всей стопой.

Мать прачка. Святые Реки, что может быть банальнее, чем стирка? Каждый день с корзинами белья на мостках у ледяного горного потока. Людям нравилось: бельё, омытое ледниковой водой, высушенное на горных ветрах, благоухало восхитительной свежестью. Знаешь ли ты, как пахнет ледник? А ветер, срывающий позёмку с вершушек скал даже в середине лета?

Ах, ты снова про имена... Ну, хорошо, хорошо. Отца звали Станко, мать – Мирна. Я же до возраста Полных Вод бегал по дворам с незатейливой кличкой Дьете – «Малыш» по-вашему. Не то чтобы у нас было как-то так принято: все эти байки про обряды Полной Воды давно поросли мхом, ещё более густым, чем в наших лесах. Просто родителям некогда было забивать себе голову такой мелочью. Они трудились, чтобы прокормить себя и лишний голодный рот, только и всего. Обижен ли я на них за это? Вовсе нет. Если бы ты знала, каково жить в Долине Семнадцати Рек, ты бы поняла меня. Но куда я не расскажу, как тебе узнать? Так что слушай. Слушай внимательно, моя ласка.

Итак. Что ты увидишь, впервые приблизившись к нашему городку? Конечно, горы. Чему удивиться, скажешь ты? Ведь не просто так наша провинция получила название Горной. Ты права. И мы гордимся своими горами, мы считаем их самыми прекрасными во всём Праведном Государстве. Потом ты увидишь огромные кедры. Тысячи, миллионы головокруглительно высоких, ровных, как храмовые колонны, стволов. Редкие приезжие неизменно удивляются, как это Праведное Государство не наложило лапу на наши леса. Но лишь до тех пор, пока сами не вступят под их сень. Это священный Лес, моя ласка. И он не даст себя в обиду ни чужим, ни своим. Вся наша долина укрыта этими гигантами. Именно потому не так просто заметить, что ты уже шагаешь по улице. Только вдруг осознаёшь, что камни под ногами уложены ровнее, чем на дикой горной тропе. Из этих же камней выстроены наши дома, высокие узкие башни. Они тянутся к небу с той же яростной жадью, что и кедровые стволы, вцепляются в землю фамильными криптами с той же неукротимой силой, что и кедровые корни. А меж корней

и стволов, по каменным уступам и ломам бегут ледяные потоки Семнадцати Рек, и мы ли храним их, они ли нас – Боги ведают...

Красиво ли это – жить среди живых Гор, Лесов и Рек? Красиво, моя ласка. Страшно ли это? Ещё как страшно. Торговцы к нам не заезжают. Наши купцы дважды в сезон спускаются по тайной тропе, через ущелье, в Торговый Стан. Их побаиваются, но товар у нас безупречный, и о ценах спорить не принято. Нигде больше не выделывают таких тонких шкур, не ткут таких прочных тканей, пропитанных смоляной смесью – хоть палатку шей, хоть кибитку покрывай, никакой дождь не страшен; нигде не лепят такой чудной посуды, не готовят таких сочных окороков и не коптят такой рыбы. Ты спрашиваешь, почему же мы бедствовали? Две причины тому, моя ласка. Первая в том, что наш городок очень мал. Вторая в том, что Лес не давал больше, чем считал нужным. Неважно, что думали жители. Лес был нашей властью, кто будет спорить с Лесом? Мы и без того платили ему немалую дань...

Да, моя ласка. Раз в сезон непременно кто-нибудь пропадал. Иногда их пытались искать. Но Лес не хранит следов тех, кого призывает. Старики говорят, наши предки умели говорить с Лесом, совершали обряды, и Лес был рад им и не забирал людей. Только кто их помнит, те обряды? Правду сказать, моя ласка, мало кто нынче задумывается даже о том, что Лес – живой и священный. О вьештицах, ведавших голос священного Леса, только и вспоминают, чтобы обругать сварливую жену да рассказать страшную сказку...

Вот где я родился, моя ласка. Обычный ребёнок обычных жителей затерянного в Лесу городка. Чем я жил? Да тем же, чем живут все мальцы. Сначала носился по улицам без дела и почти без присмотра. Лазал за кедровыми шишками, обдирая в кровь ступни и колени да вымазываясь в смоле так, что мать хлестала по спине тугим плетёным поясом. Как стал покрепче, отец попробовал взять меня на охоту. Наверное, это был первый раз, когда он заподозрил, что со мной что-то не так. Руки мои были уже привычны к луку, хоть и детскому, но вполне способному пробить шкурку зайца или ягнёнка. Только руки эти отказались подниматься. Отец разозлился, надавал затрещин. Что ж, я попытался натянуть тетиву. Она лопнула, изрезав мне пальцы и щёку. С тем и привёл меня отец домой, позоря по пути перед каждым встречным. Мать отвела к лекарю, а после, дома, ещё нахлестала поясом – за лишние траты.

Немного погодя отец отослал меня в рыболовецкую артель. Хуже было разве что в пастухи. В артели трудились самые никчёмные – пьянь, немощные старики да полоумные. Впрочем, я быстро наловчился удить крупную рыбу, а чуть погодя мне стали доверять пригляд за коптильней, ещё чуть позже – и вовсе самому коптить. Получалось хорошо. Но уважения ко мне не вернуло. Подумав, отец отправил меня в учение к горшечнику. Тут-то и началось самое странное...

Однако, я вижу, ты устала, моя ласка. Отдохни. Я продолжу завтра. А ты – расскажи мне о своей жизни. Я смутно ощущаю за твоими плечами огромный город, больше нашей столицы... Покажи мне его?

3.

Сколько ни пыталась Веда продолжить читать, так ничего и не вышло: строчки расплывались перед глазами, невозможно было разобрать ни слова. Захлопнув книгу, Веда откинулась на спинку стула и долго сидела, глядя перед собой. Перед глазами проплывали навеянные рассказом незнакомца образы – восхитительные горные пейзажи, мрачноватые жители затерянного среди кедровых стволов городка. А в ушах словно бы звучал негромкий голос, это необычное обращение с чуть заметным акцентом, будто он привык к ударениям на первый слог: моя ласка. Никогда в жизни никто её так не называл...

Встряхнувшись, Веда опомнилась и вскочила. Что это она, совсем умом тронулась? Думает о персонаже из книжки, будто он реальный человек и только что говорил с ней наяву? Узнала бы мама – вот причитаний-то было бы: непутёвая, когда уж за ум возьмёшься, скоро

тридцать, так и останешься старой девой, помру, внуков не дождусь... Весь набор взрослой незамужней дочери, м-да.

А интересно, что он имел в виду, когда просил «показать ему свою жизнь»? Как это вообще возможно, когда он – там, в какой-то неведомой «Горной провинции»... и вообще *в книжке*! Тьфу, пропасть. Точно пора спать. Лезет в голову такая чушь.

Однако утром, собираясь на работу, Веда стала невольно придумывать, что рассказала бы незнакомцу о своём мире. Вот, например, как объяснить парню из глухой деревни, рыбаку, что такое смартфон, который будит её каждое утро бодрой кельтской мелодией? Ну, давай скажем, что это такая... магическая коробочка? Она умеет петь, показывать книги и связывать тебя с другими людьми, как... скажем, как если бы у нас была телепатия. А-а, господа, вот же бред! Нет, ладно. Дальше завтрак, который она готовит на плите. Плита – это... это такой очаг, только вместо дров в нём горит особый газ. (Как хорошо, что плита не электрическая! Как бы она объясняла про электричество?! Прирученная молния? Ха-ха.) Потом макияж. Ну, потому что на работе принято выглядеть приятно, а не бледной молю.

Выбравшись из подъезда, Веда невольно оглянулась на панельную девятиэтажку и продолжила машинально описывать её.

А живу я в огромном каменном... эээ... замке? Он выглядит сурово и строго, в нём девять окон вверх и около двадцати в длину, три подъезда, сто восемь квартир. Что такое квартира? Ну, это несколько комнат, которые принадлежат одному человеку или семье, никто чужой не может в них заходить. У кого-то одна комната и кухня, как у меня, у других две или три комнаты. Как-то так... Деревья у нас тоже есть. Не лес, конечно. И никакой не священный. Но наш двор очень зелёный, у каждого подъезда что-нибудь да растёт. Вот, возле моего, например, слева красная черёмуха и куст жёлтой акации, рядом две огромных берёзы. Справа клёны и ещё акация. А через дорогу, возле детской песочницы, несколько ясеней. И клумбы с цветами, конечно. Наши бабушки любят за ними ухаживать. Господа, ты хоть понимаешь, что такое «клумба»? А-а, я совсем с ума схожу!

Теперь я должна дойти до автобусной остановки. Вот, выхожу со двора. Ах да! Двор – это такое место, отгороженное несколькими большими домами. Перед каждым подъездом детская площадка, там наши малыши гуляют. В середине большого двора футбольное поле. Футбол – это игра с мячом, делятся ребята на две команды, у каждой свои ворота, и нужно мячом в них попасть, а команда свои ворота защищает. Бывает весело. Правда, меня в детстве редко брали играть, очень уж хилая была всю жизнь, бегала медленно, и мячик у меня отобрать было легче лёгкого. Кому нужна такая недотёпа в команде?

Так, я что-то отвлеклась. В общем, из двора я выхожу на улицу. Дороги у нас давно не выкладывают камнями, а покрывают сплошным ровным слоем асфальта. Кошмар, я не представляю, как объяснить, что такое асфальт! Погуглить, что ли, пока буду ехать... А ездим мы на самоходных повозках. Ну, не совсем самоходных, им пока ещё нужен водитель, который направляет повозку по дороге, заставляет двигаться или останавливаться. Но он её, конечно, не тащит, а сидит за рулём и жмёт на педали, которые запускают мотор. Э-э... устройство мотора мне тоже для тебя гуглить? Потому что школьные уроки физики про двигатели внутреннего сгорания были слишком давно. Интересно, кстати, а у вас школы есть? Ну, в столице хотя бы? Ой, моя маршрутка! Надо бежать, подожди...

И вот так Веда прожила весь этот день, рассказывая незнакомцу из книги всю свою жизнь едва ли не поминутно. Заодно почитала и про асфальт, и про двигатели, и про электричество тоже, и про телефоны, и ещё кучу разного, о чём обычно и не задумывалась. Ещё пришлось признаться, что бред про «магическую коробочку» в адрес смартфона был враньём от растерянности. Описала свой офис и всех своих коллег, начиная с начальницы и заканчивая уборщицей тётей Леной. Под вечер, трясясь в маршрутке, Веда осознала, что день пролетел стремительно и звонко, как стриж. И ещё она чувствовала себя так, словно в самом деле много часов

болтала без умолку, даже немного болело горло. Когда такое было в последний раз? Наверное, ещё в институте, когда засиживались с девчонками на всю ночь, откровенничали, спорили, мечтали... Хорошо было! Просто здорово. И вот сейчас – так же.

Открывая дверь квартиры, Веда в сотый раз мысленно покрутила себе пальцем у виска и в сотый же раз махнула рукой: да наплевать. Сошла с ума? Ну и ладно. Кому мешает? На людей не кидается, вслух не бредит. Зато настроение! Всё, всё, срочно готовить ужин и за книгу!

4.

Чистых вод, моя ласка! Как я рад, что ты вернулась! И спасибо, что показала мне свой мир. Как не похож он на всё, что я знаю. Но мне бы хотелось... Впрочем, оставим пустые мечтания. Тебе ведь наверняка интересно продолжение моей истории. Так, на тринадцатое лето я стал учеником горшечника. Точнее, сначала помощником, глинокопом. Дед Каслав был угрюмцем, приказания отдавал коротко, без особых пояснений. Хочешь – дойдёшь своим умом, а нет – то и кому ты нужен. Так он рассуждал. Пришлось мне самому идти в лес, искать по берегам рек да ручьёв глину, самому думать, в чём донести. Нашёл я хорошее место в глубоком овраге. Глина там была чистая, яркая, без земли и почти без камней. Набрал на радостях такой мешок, что еле по земле волочил. Очень хотел угодить деду Каславу. Одного не учёл – очень круты были склоны оврага. Битый час пытался выбраться оттуда, два раза грохнулся в ледяной ручей на дне, мешок с глиной вымочил, отчего он стал ещё тяжелее. Штаны и рубаху изорвал в клочья о сучковатые кусты, сам весь вымазался, вышел к домам прикрывшись больше глиняной коркой, чем тканью. Дед Каслав глянул, подняв кустистую бровь, сунул нос в мешок, забрал, без труда оторвав от земли, и слова больше не сказал. Но я увидел, что он доволен! Думал на радостях рвануть обратно со вторым мешком, да дед Каслав покосился и коротко буркнул: «Куда? Домой иди. Завтра придёшь».

Мать увидела испорченную одежду, раскричалась, а отец услышал, что старик-горшечник не выгнал меня прочь, и хмуро отрезал:

– Помолчи, жена. Кой день из этого олуха толк вышел. Рубаху новую сошьёшь, чай, не первой.

Мать поворчала, но всё же достала из сундука новое платье, сунула, не глядя, мне в грязные руки. Кое-как отмывшись в лохани на заднем дворе, рухнул я спать.

И приснился мне Лес. А над Лесом бушевала буря. Я шёл к тому самому оврагу, то и дело оступаясь на скользких мокрых камнях, запинаясь о корни. Ливень заливал глаза и больно хлестал по щекам, ветер путался в кронах и выл от злости, исколовшись о жёсткую кедровую хвою. Мне всё казалось, что я уже совсем рядом, что за следующим поворотом тропа нырнёт вниз, но снова и снова она вводила меня в сторону. Тёмный разгневанный Лес шумел и гудел, цеплял ветками за одежду и не хотел пускать меня к оврагу. Над головой с воплями и стрекотом принялась кружить целая стая сорок. Я удивился, почему они не скрылись от шторма, остановился и запрокинул голову, пытаюсь разглядеть, что испугало птиц. И тут одна из них резко нырнула вниз. Я не успел ни охнуть, ни отвернуться, ни вскинуть рук – шарахнулся, оступился, упал на спину, а острые когти впились мне в щёки, больно царапая старый шрам от тетивы и добавляя новых. С пронзительным воплем проклятая птица клюнула меня прямо в левый глаз.

Я проснулся от собственного визга, на полу, весь мокрый: мать, не добудившись, окатила меня водой из ковшика. Лицо нестерпимо горело, глаз дёргалось острой колючей болью. Я с трудом заставил себя прикоснуться к нему трясущейся рукой. Хвала Святым Рекам, на лице не было ни царапины. Сон так потряс меня, что уснуть я больше не смог, а как пришёл к деду Каславу, рассказал ему во всех подробностях. Старый горшечник нахмурился больше обычного, пожевал губами и пробурчал:

– А ты что думал: даром тебе всё отдадут?

Отвернулся и сел за гончарный круг. Я попытался выспросить, что он имел в виду. Дед Каслав звучно шлёпнул кусок глины на круг и недобро зыркнул из-под бровей.

– Сам разберёшься, коли не дурак. А нет – тебе же хуже.

Больше я ничего от него не добился и крепко задумался. Мысль о том, что наши сказки не так просты, как принято считать, уже приходила мне в голову, но я привычно от неё отмахивался. Теперь же принялся вспоминать любимые истории про Радимира Защитника. Далеко не сразу пришло мне на ум, что всякий раз, беря что-то у Леса, он непременно отдаривался. Да и кто, право, обращает внимание в сказке о героических подвигах на такие пустяки, как герой ходит на охоту, по грибы да на рыбалку. Но, вспомнив, я решил проверить.

До оврага добрался быстро, даже не заблудился, хотя после сна так и ждал этого. Набрал мешок глины, а прежде чем выбирать – раскрошил на плоском камне краюху хлеба, сташенную утром у матери из-под руки. Оглянулся, нет ли кого, не услышат ли, наклонился к камню и прошептал:

– Прими, Отче Лесе, накорми своих птиц.

Вскочил, поклонился и бросился прочь. Сам не заметил, как выскочил из оврага, не то что не споткнувшись – ни пятнышком одежду не замарав! Примчался к деду Каславу, стал рассказывать, да запнулся о сумрачный взгляд.

– Цыц, лоше¹, – сказал как отрезал. – Думаешь, самый умный? Спаситель народа? Да кто тебя слушать-то будет, дьете безымянное? Марш глину мешать. И не лезь, куда не велено.

– Но я же... люди же!..

– Кому сказал! – старик отвесил мне знатный подзатыльник, так что я мало не кубарем улетел к измазанному глиной корыту.

И всё же я не послушал деда Каслава. На другой день, рано поутру, первым делом помчался к старейшине Гойславу. Слушал он меня недолго. Хлопнул себя по коленям и давай хохотать. Обидно мне стало, аж слёзы брызнули. Право слово, дело ведь было о том, чтобы люди перестали пропадать зазря! Вскочил с колен, забыв о почтении, стал кричать и ругаться. Отче Гойслав тут же забыл о веселье, махнул рукой двум здоровым парням, что у дверей караулили. Выволокли меня под локотки да пинком с крыльца спустили, пригрозили в другой раз в тёмную запереть. Так и ушёл ни с чем. Только ладони о камни рассадил и новую одежду опять попортил. Дед Каслав встретил подозрительным взглядом, но я молча взял мешок и ушёл в овраг за глиной. От своего, впрочем, не отступился – всякий раз оставлял Лесу отдарок, иногда сам без обеда оставался, да жизнь моя мне дороже мнилась. А что другие о своей не думают... Злился я долго об этом. Но вслух больше не заговаривал.

На следующее лето исполнилось моё время Полной Воды. Не ведаю, как бы оно случилось раньше, а нынче привели меня в общее собрание, поставили перед старейшиной Гойславом. Родители должны были просить для меня имени и места в общине. Хорошо, если бы кто ещё за меня слово сказал, но я не ждал. А дед Каслав возьми да и выйди.

– С руками парень и с головой, – сказал. – Оставь мне его горшечником.

Мне и в голову не входило, что хмурый старик когда-нибудь допустит меня до круга. Чуть речи не лишился. Но было важное, о чём мне нельзя было смолчать. Не хотел я чужого имени. Хотел своё, проросшее во мне корнями лесными. Знал, что не принято так, что снова окажу непочтение и, может, опять мною мостовую выметут. Но рвалось изнутри, как росток кедровый ломало камни. Не остановить.

– Что ж, быть тебе горшечником. Нарекаю тебя...

– Чедромир! – выдохнул я как сумел, вскочив на ноги.

¹ Лоше – глупец, придурок.

Получилось звонко, с петушиным изломом. Собрание ахнуло, мать дёрнула за руку, чуть пальцы не оторвала, отец треснул так, что в глазах потемнело. Рухнул я обратно на колени, но головы не опустил – надо было знать, так же ли зол старейшина, примет или в тёмную велит...

Гойслав хмурился, сложив руки на груди. Помолчал, жуя губами, оглянул опешивших людей. Хмыкнул. И почудилось вдруг: спрятал улыбку в усы... Приподнял бровь, покивал о чём-то сам себе и провозгласил:

– Чедромир!

Тут уж я сам готов был ему сапоги лобызать, да кто ж меня пустит. Мать с отцом схватили под руки, попятились, кланяясь и благодаря, вытащили на улицу, опять тычков надарили – вот и всё празднество. Следом вышел дед Каслав, махнул рукой. Выпростался я из материных цепких рук, поправил одежду, пошёл следом. Тайком надеялся, посадит нынче дед за гончарный круг... Но он лишь сунул мне в руки аж два мешка да послал за глиной. Это уж назавтра я понял, что второй мешок был для меня.

Учиться было легко и приятно, куда приятнее, чем копать по мокрым речным берегам. Может, и правда одарили меня боги хорошими, чуткими руками. Горшки получались гладкие, ровные, даже скупой на похвалу дед Каслав одобрительно кивал. Пока однажды не пришло мне в голову пустить по ободку тонкой палочкой узор меж двух бороздок.

– Это ещё что? – изумился наставник.

– Ну... красиво же, – пробормотал я робко.

Дед помолчал, потянулся было смять поделку, но почему-то передумал. Велел нести на полку, где сушилась вся посуда до обжига. Правда, приказал больше не самовольничать. А через неделю повёз мои «художества» в Торговый Стан. Глядя на его лицо, я, право, был уверен – назад привезёт. Нет, не привёз. А когда я сел за следующий горшок, постоял рядом, потерял бороду да вдруг сказал:

– Ну, ты там ещё чего-нибудь нарисуй давай. За полторы цены узоры твои взяли.

Тут уж я развернулся, стал рисовать орнаменты из листвы да ягод. За глиной по-прежнему ходил сам. Так было правильно. Лес был добр ко мне, и однажды я нашёл глину белую, а в другом месте голубую. Потом придумал подмешивать в глину золу или перетёртые камни разного цвета, горшки получались полосатые или с чудными разводами. Дед Каслав хмурился, вертел головой, но не мешал. Ещё через год поехал я в Торговый Стан уже известным мастером. Чедромир-горшечник – неплохо звучит, а?

Одно мне не давало покоя. Люди по-прежнему пропадали... Что мне было делать, моя ласка? Не знаю, зачем мне досталось такое сердце. Мог бы жить, не зная забот. Через пару лет построил бы свой дом с мастерской при нём. Нашёл бы жену, всё было бы по-людски. А не жилось... Всякий раз ходил в Лес и спрашивал: «Что Тебе нужно, Отче Лесе? Как мне сделать, чтобы людей Ты не брал? Как объяснить им, как научить уважать Тебя, если не слушают меня и смеются?» Так меня это терзало, что стал я мрачен, не хуже деда Каслава. Люди не любили меня, обходили стороной.

Зачем я продолжал любить их, моя ласка?..

5.

Веда так и уснула с книгой. И приснился ей Лес. Лес был зноен и пуст. И удивительно молчалив. Изредка вскрикивала какая-то мелкая птица, но тут же смолкала, словно испугавшись собственного голоса. И только цикады звенели со всех сторон, и звон их наплывал густыми оглушительными волнами, топил в себе все остальные звуки, укачивал и спутывал мысли. И звучала в этом бесконечном монотонном звоне нечеловеческая, бездушная угроза. И синхронными волнами прокатывался по спине озноб.

Вдруг все цикады разом смолкли. Но облегчения не наступило. В повисшей душной тишине раздался мучительный, надрывный скрежет падающего дерева. Веда остановилась, завертелась на месте в ужасе, что тяжёлый кедровый ствол упадёт прямо на неё. Все деревья вокруг неё застыли в траурной неподвижности, а страшный звук раздирающихся древесных жил доносился откуда-то издали, но так ясно, что заломило в висках. Веда замерла, вслушиваясь с болезненным вниманием: визг и скрежет выдираемых из земли корней, ломающихся веток, лопающейся коры и крушащейся сердцевины сливались в натуральный живой крик... Веда присела возле огромного замшелого камня и зажала уши. Но камень за её спиной ощутимо вздрагивал и трепетал с каждым новым вскриком убиваемого дерева... Треск ломающихся ветвей перекинулся на другие деревья, они задрожали и зарыдали в предчувствии своей судьбы. Затем всё смолкло.

Потом опять затрещали цикады: вжи-вжи-вжи-вжииииииу! вжи-вжи-вжи-вжииииииу! Снова и снова на одной ноте, зло, страшно, бездушно. Голоса их то сливались в диком уни-соне, то разбредались кошмарным хаосом. Веда вскочила и бросилась бежать куда глаза глядят, лишь бы подальше оттуда, где умерло с живым криком дерево. Она смутно помнила, что нужно кого-то найти, но паника и обезумевшие цикады вымели все мысли из головы, и Веда просто бежала по едва видной тропе, пока она внезапно не нырнула вниз, так что Веда оступилась и, едва удержавшись на ногах, слетела на дно оврага. Здесь почему-то показалось знакомо и менее опасно. Неподалёку темнело несколько ям, наполненных мутной глинистой водой. Чуть поодаль лежал большой плоский камень, по краю которого явно человеческой рукой разложены были разноцветные камушки, ракушки, птичьи перья, стояла широкая глиняная плочка с водой. На выглаженной середине светлело несколько зёрнышек. И тут Веда вспомнила – Чедромир-горшечник! Вот кого она должна была найти!

Цикады снова умолкли. И ещё одно дерево разразилось невыносимым воплем. Веда съехала возле камня и зашептала бессвязные просьбы: «Отче Лесе, помоги найти его!» Но Лес был ослеплён и оглушён болью. Лес дрожал в ужасе и тихой ярости. И Веду тоже забил озноб. Она зажмурилась, уткнувшись лбом в камень. Лес не поможет! Она чужая здесь, тот, кого Лес знает и любит, – где-то далеко, а те, кого Лес приютил, – убивают его...

В уши толкнулся вдруг развесёлый танцевальный ритм. Это... музыка? Они что, убивают Лес с песнями и плясками?!

Веда вскочила, распахнула глаза – и увидела собственную комнату. На самом краю тумбочки плясал под кельтику смартфон, готовый уже свалиться на пол от собственной вибрации. Шесть тридцать... Будильник... О Господи. Это был сон...

Веда схватилась за книжку, стала искать страницу, на которой вчера заснула, но тут телефон разразился новой трелью. Звонила начальница, напоминала, что сегодня нужно сдавать квартальный отчёт, попросила прийти пораньше. Книгу пришлось отложить. Уже в автобусе подумала, что можно было бы взять с собой, почитать в дороге – почему не додумалась? Видно, не судьба...

Мысли о Чедромире не оставляли её весь день. Странно оборвался его рассказ, непонятно, тревожно. И этот сон... Почему-то Веда не могла отмахнуться от него. Пыталась посмеяться над собой, мол, суеверна, как старая бабка. Не смешно было. И не легче.

Веда пыталась продолжить рассказывать Чедромиру про свою жизнь, но сегодня тягостным фоном этим рассказам сквозило ощущение: всё в пустоту... не слышит... После обеда, очумев от цифр и эмоционального раздвая, Веда встала перед зеркалом в туалете, умылась холодной водой (про макияж забыла с утра!), зажмурилась крепко и сказала себе: «Веда! Ты окончательно рехнулась с этой книжкой. Нужно немедленно прекратить!» Кое-как получилось дожить до вечера, предельно загрузив голову отчётом.

Вернувшись домой, Веда заставила себя в кои-то веки позвонить маме. Разговоры с ней часто раздражали, но ожидаемо заземляли. Мир сразу становился незатейливым и понятным,

сводящимся к неисчислимым, но очень простым правилам: этого не делать, с теми не общаться, этого не есть, этого не говорить, того не читать – и будет тебе счастье. Потом Веда приготовила себе идеально здоровый ужин из тушёных овощей и куриной грудки, съела половину и, чувствуя себя совершенно разбитой, отправилась в постель в половине десятого.

Видишь, какая я сегодня молодец: прилежная работница, примерная дочь. Всё сделала, как положено. Отчего ж так тоскливо, скажи?

Ну вот, опять она... Но как уснуть, если тревога пересыпается песком под веками, стискивает сердце, будто ледяной водой его залило? Нет. Надо всё-таки дочитать проклятую книгу – и тогда уж забыть.

Она пошарила рукой возле подушки, пальцы скользнули по обёртке. Стало вдруг ужасно противно, и Веда сорвала полиэтилен, бросила на пол, погладила пальцами тёплую замшу. Открыла книгу. Почему-то она ясно видела каждую букву, хотя забыла включить ночник. В глаза бросилась последняя строчка на странице: «Зачем я продолжал любить их, моя ласка?..» Да, именно тут она остановилась вчера. Веда торопливо перевернула листок.

6.

Чистых вод, моя ласка! Думал, уже не услышу тебя... Хорошо, что ты здесь. Хвала Лесу. Надо мне завершить свой рассказ. Его и не много осталось.

Дожил я горшечником до двадцатого лета. В Торговый Стан давно стал ездить сам по себе, без деда Каслава. Познакомился там, ещё пятнадцати лет, с одним книготорговцем, упросил выучить меня чтению. Стал искать книг по магической науке, что изредка попадали к нам из столицы. Пытался постичь священный Лес. А однажды встретил у книжного лотка настоящего мага. Друг мой книжник косился на чужака неприязненно и мне отсоветовал с ним связываться, но я не послушал. Пришёл за магом в таверну, заговорил, познакомился. Рассказал о священном Лесе. Маг заинтересовался, приехал со мной в наш городок. Я привёл его в Лес. Маг долго бродил как будто бесцельно, изредка останавливался, прислушивался, что-то шептал, перебирая тяжёлые агатовые бусы на запястье. Похвалил мой алтарь, на котором я отдарки оставлял. На другой день снова бродил да слушал. А на третий дал мне книгу. Заглянул я внутрь, но страницы в ней были пустые, пергамента гладкого, белоснежного, какого я и не видал никогда. И сказал мне: «Вижу, люди в твоём городе не ведают, что живёт в этом лесу. Я и сам затрудняюсь, как назвать эту сущность. Но знаю, как тебе помочь. Настанет день, когда твоим людям будет нужна защита. Тогда совершишь ты обряд, которому я тебя научу. Подаришь Лесу себя, и больше он не тронет вашего города».

Холодно мне стало. «Значит, я сгину?» – спросил осторожно. Маг улыбнулся тонко и страшновато. «Для всех, кто тебя знал, – да. Но ты не умрёшь. И душа твоя не станет скитаться по миру, как души тех, кого Лес забирал прежде, и Чёрные Духи не уташат её в Поля Праха. Эта книга будет хранить твою душу до тех пор, пока кто-нибудь не призовет её».

И маг написал мне слова заклинания, которым смогу я отдать себя Лесу вместо любого, на кого он разгневается. Даже если это будет весь город разом. Тогда я лишь пожал плечами. Мне и в голову не могло прийти, что бы такое можно было сотворить, чтобы Лес осердился на всех. Но книгу я взял. И заклинание выучил.

А спустя месяц так и вышло. На совете решили корчевать лес под новое поле. Я пришёл к старейшине Гойславу в ужасе, пытался отговорить, но тот лишь раскричался. Мол, взрослый уже, своим домом и делом живёшь, а детские глупости из головы не выветрились. Иди, мол, пока не велел тебя вышвырнуть.

Ушёл. Сам. А на следующий день работники стали корчевать деревья. Как описать тебе, моя ласка, что это был за ужас? В первый же день двоих придавило упавшим стволом... На второй ещё один покалечился, трое же ушли размечать поле и не вернулись. В Лесу стало страшно. Каждый день ходил я за глиной и не чаял вернуться. Всё было не так. Зной стоял устрашаю-

щий. Дождей, обычных для этого времени года, не было ни одного дня. Звери ушли, птицы разлетелись. Зато налетело трещоток, сколько никогда не бывало, – весь Лес ими звенел так, что мыслей не расслышать.

Когда пропал сын старейшины, я понял: пора. На горизонте собирались тяжёлые тучи, но дождей с них не выпадало. А что может быть страшнее сухой грозы в пересушенном лесу? Весь город сгорит, как щепка, даром что из камня сложен... Зажарит нас Лес, как жуков на костре.

Тогда пришёл я к своему алтарю, положил на него, как велел маг, раскрытую пустую книгу. Долго молил Лес простить горожан, принять мою жертву, никого не забирать больше. И прочёл заклинание.

Ты спросишь меня, что случилось дальше, моя ласка. Но я не знаю. В глазах потемнело, что-то завертело меня, понесло, потащило... А очнулся я здесь. Но где? Я не знаю. Здесь пусто и тускло. Здесь нет ни леса, ни дома, ни света, ни тьмы, ни тела своего я не чувствую. Не знаю, выжил ли мой город. Не знаю, жив ли я сам. Не ведаю, сколько времени здесь провёл. Всё, что я могу, – это думать, думать и вспоминать. Видно, не зря предупреждал меня мой друг. Маг сыграл со мной злую шутку и запер в своей книге. Может быть, даже забрал с собой. А может, сгорела она в пожаре, а я... где я? кто я? зачем мой разум до сих пор сознаёт себя, и мыслит, и желает?

Не покидай меня, моя ласка! Не закрывай книгу, говори со мной. Говори хоть изредка. Покуда я ещё могу, покуда разум мой не отказал мне, и чувства не смешались, и Безумный Бог не забрал мою душу на Солёные Берега... Не бросай меня, Веда!

7.

Веда вскочила и отбросила книгу. Включила свет, выскочила из комнаты, рухнула на стул в кухне.

Что за дурная шутка?! Кто подкинул ей эту дикую книжку? Неужели кто-то из знакомых решил так подшутить? Веда перебрала всех. Нет, невозможно. Кому вообще подобное придёт в голову? Но не считать же всё это правдой! Этак можно самой съехать... куда там? – на Солёные Берега? Ха-ха.

Веда включила чайник. Привычный звук немного успокоил её. За окном послышался гул подъехавшей машины, хлопнула дверца, громко заиграла музыка, какая-то девица расхохоталась так, что эхо шарахнулось по двору. Парень заорал: «Вова-ан! Алё, ты скоро там?» Веда раздражённо поднялась, захлопнула форточку. Что у них, мобильного нет, дикие совсем? Налила чаю, вернулась в комнату, стараясь не смотреть на брошенную в постели книгу, села за компьютер. Ленты в соцсетях пестрели какой-то бессмыслицей. Веда пила чай, не чувствуя вкуса, листала чужие посты, не понимая смысла. Взгляд её то и дело соскальзывал с монитора – вбок, к жалко белеющим страницам, с которых выдуманный голос выдуманного человека звал её: «Не бросай меня, Веда!»

Но, Господи, что она вообще может сделать? Положить книгу перед собой на стол, держать распахнутой и продолжать эти безумные мысленные разговоры непонятно с кем? Дичь натуральная. Шизофрения. Как вообще возможно до такой степени свихнуться за два дня чтения, чтобы поверить, что этот Чедромир – настоящий?! Может быть, мама права. Давно надо было найти кого-то, хоть в Интернете познакомиться. Выйти замуж и не маяться дурью. Доигралась. Дождалась, блин, «своего человека». Святые Реки, какой бред!

А всё-таки нужно разобраться. Может быть, это просто как-то так специально написано, с гипнотическим эффектом? Веда однажды читала, что с помощью нейролингвистического программирования можно внушить человеку что угодно. Правда, там предполагалось живое общение. Но может, теперь так и книжки пишут? Может, это что-то вроде рекламы фэнтези-серии? Ужас какой, если вдуматься. И всё же...

Веда пересела на кровать, взяла книгу и открыла первую страницу. «Ну, наконец-то! Святые Реки, я думал, с ума сойду. Где же ты была?! Почему так долго? Мне столько нужно тебе рассказать, моя ласка. Целую жизнь...» Пролистала дальше: «Отдохни. Я продолжу завтра. А ты – расскажи мне о своей жизни. Я смутно ощущаю за твоими плечами огромный город, больше нашей столицы... Покажи мне его?» И дальше: «Как я рад, что ты вернулась! И спасибо, что показала мне свой мир. Как не похож он на всё, что я знаю. Но мне бы хотелось...» И наконец: «Не бросай меня, Веда!»

Да какая реклама? Кто это мог знать, что книга попадёт именно к ней?! Ладно бы было имя популярное, можно было бы списать на удачное совпадение. Но кого ещё в этом городе зовут Веда? Она даже вернулась за компьютер, забила в поиск имя, нашла в своём городе троих человек: у двоих это был, бесспорно, псевдоним, дописанный в скобках, а у одного – фамилия. Ну, вот. И что теперь?

Она снова взяла книгу, положила на колени. Господи, да она даже голос его слышит! Лицо видит как наяву...

«Не покидай меня, моя ласка!»

«Не бросай меня, Веда!»

Но как? Как спасти тебя, как вызволить?

Она положила ладонь на последнюю страницу, зажмурилась и прошептала отчаянно:

– Ни за что не брошу. Я здесь, слышишь? Иди сюда!

Тысяча огненных игл вонзилась ей в ладонь и пальцы. Веда всхлипнула, но сумела не отнять руки от страницы. Яркий свет пробился сквозь зажмуренные веки – алым, густым, живым. Горячее дыхание шевельнуло волосы возле самого её уха:

– *Моя ласка...*

Квартира №40

Виктория Данген

*Пусть бабушка внучкину высосет кровь.
(Граф А. К. Толстой)*

Жирная чёрная муха, одурев от весеннего солнца, звонко билась в оконную раму. Оттолкнётся, покружит и *дзынь* по стеклу. И что-то такое радостное, счастливое было в этих попытках выбраться из душного класса. На волю, на воздух, навстречу жизни. Так думала Катенька, неотрывно наблюдая за насекомым. Слушать мушиное жужжание было куда интересней, чем бубнёж директора.

– Екатерина Александровна! – директор нахмурил кустистые брови. – Так что у вас с методическими рекомендациями по географии?

Катенька вздрогнула и испуганно заморгала.

– Всё почти готово. Немного осталось, и я всё сдам.

– Давайте не затягивать.

Директор кашлянул, пригладил широкой ладонью несуществующие волосы на лысине и продолжил совещание. А Катенька вернулась к созерцанию мухи и к невесёлым мыслям.

Учебный год подходил к концу. Каждое лето Екатерину Александровну мучила одна-единственная проблема – деньги. Школьники выходят на каникулы, а учителя идут в продолжительный отпуск. И если первых содержат родители, вторых никто содержать не собирается. Да, платят отпускные, но сущие копейки! Конечно, можно остаться в школьном лагере. Но молодых туда не пускают старшие коллеги. Просто оттесняют. И остаётся только одно – куда-нибудь устроиться.

В прошлом году Катенька подрабатывала продавцом у кавказца в овощном ларьке. Хорошая была работа, денежная. И Карен Ашотович оказался добрым человеком, сочувствующим. Почти каждый день мужчина угощал субтильную учительницу свежими фруктами или овощами. Она уже думала договориться и на следующий год, но... Как-то раз к ней подошла женщина с подростком. Подросток оказался Катиным учеником.

– Здрааавствуйте, Екатерина Александровна! – елеиным голосом протянул пацан.

Его мамаша встрепенулась, словно квочка на насесте.

– А? Что? – и, присмотревшись к маленькому белёсому личику Катеньки, так же мерзко затянула: – Ах, Екатерина Санна, здравствуйте. Не узнала я вас сразу. Богатыми будете.

Сказала и фыркнула. А Катенька густо покраснела.

– Ну-ка, взвесьте вы нам два килограмма помидорок! – развеселилась родительница. – Вовик страшно любит помидоры!

Вовик растянул лягушачий рот в подобии улыбки.

– А я помню, как вы нам говорили, что родина помидоров Тунис.

– Перу, – тихо поправила Катя.

Она протянула пакет с овощами, взяла деньги и начала высчитывать сдачу.

– Не нужно, Екатерина Санна. Оставьте себе, – милосердно разрешила родительница.

Они с сынком чинно удалились, а Катя была готова разрыдаться от унижения. И зареклась торговать.

Собрание давно закончилось. Семейные коллеги поспешили домой. Катеньке спешить было некуда. Из родственников никого у неё не осталось. Правда, есть тётка на Дальнем

Востоке. Когда она её видела в последний раз? Лет в семь? Даже сестру, Катину маму, та хоронить не приехала... Катя всё сделала сама. Сама обмыла, нарядила, заказала гроб...

Парочка воробьёв шумно чирикали, купаясь в мелкой лужице.

«С мужем было бы проще!» – подумала Катя. Вот Ингу Степановну, ровесницу Кати, темы летнего заработка не волнуют. Её муж содержит круглогодично. По заверениям самой Инны, если бы она бросила школу и села дома, муж был бы в полном восторге. Но та всё мечтает о педагогической пенсии.

«Дура. А будет ли эта пенсия?» – мысленно возразила Катя коллеге. Неожиданно в кармане брюк зазвонил телефон. На табло высвечивалась фотка бывшей коллеги. Каринка, душа-человек, предлагала подработку – агитатором на избирательном участке её дядьки. Ему на ста-рости лет захотелось стать местным депутатом. Работа несложная: клеить листовки, всякую рекламную макулатуру по почтовым ящикам раскидывать, опрашивать жителей. А месячная зарплата – как две школьных. Повезло, ничего не скажешь!

Повеселевшая девушка убрала телефон обратно в карман, собралась идти дальше. Но тут её внимание привлек птичий крик. Длиннохвостая сорока пронеслась над Катиной головой. В когтистых лапах чёрно-белая воронка несла птенчика, воробьёнка. Оба родителя безрезультатно пытались догнать хищницу. Остальная стайка истошно шумела, не вмешиваясь.

– Бедные родители... – вздохнула Катя и пошла домой.

Прошла неделя, как Катенька устроилась агитатором. Её участок находился далеко от школы, поэтому она не волновалась о случайной встрече с учениками. Рекламные материалы были тяжёлыми, но хрупкую девушку это не пугало. Она складывала бумажки в спортивный рюкзак, надевала любимые джинсы, удобные кроссовки – и вперёд. За два часа Катя обходила весь избирательный участок и была абсолютно свободна. Знакомство с жителями участка тоже проходило легко. Все дома были из старого фонда, и их населяли в основном пенсионеры. А старому человеку всегда за радость поговорить! Миловидную девушку так и норовили затянуть в гости, напоить чаем да рассказать о далёком, дорогом, прошедшем.

В квартире под номером 40 дверь ей ещё ни разу не открывали. В очередной обход Катюша поначалу хотела оставить попытки достучаться до хозяина негостеприимной квартиры, но решила не халтурить и нажала на дверной звонок. Дверь открыли в соседней квартире. Белоголовая старушка высунула тоненькую сморщенную шейку в дверной проём и скрипуче запричитала:

– Чего ты тут всё звонишь? Не звони ей! Не буди, не трогай!

– Здравствуйте! А вы не переживайте, я и к вам загляну. Вот сразу после этой квартиры...

– К чёрту заглянешь ты после этой квартиры, а не ко мне! – перебила бабка девушку. – Уходи. Подбру-поздорову. Не ходи к сороковым.

Катенька хотела объяснить, успокоить взволнованную старушку, но в сороковой квартире раздались торопливые шаги. Услышав это, любопытная соседка быстро втянула шею в свою квартиру и бесшумно захлопнула дверь.

– Иду, иду! Кто там у нас?

Добротная дверь заветной квартиры отворилась, и на пороге появилась хозяйка, высокая женщина лет шестидесяти. Растрёпанные длинные чёрные волосы, золотистый шёлковый пеньюар. Длинный крючковатый нос с широкими чувственными ноздрями придавал лицу женщины восточный колорит.

Агитатор начала заученное приветствие:

– Здравствуйте! Меня зовут Екатерина, я работаю агитатором на вашем избирательном участке. Вы же знаете, скоро выборы в городскую думу. Я хотела бы уз...

Женщина ловко собрала свои волосы в пучок, подколола их и внимательно осмотрела непрошеную гостью.

– А что это мы стоим в подъезде? – перебив Катю, затараторила хозяйка. – Пройдёмте в дом, милая, и там всё основательно обсудим.

Катя кивнула и зашла в квартиру. Светлый коридор, пушистый палас и много комнатных растений. Из кухни доносился приятный аромат выпечки. Девушка потянула носом и непроизвольно сглотнула слюну. Это быстрое движение не ускользнуло от хозяйки.

– Давайте пройдем в кухню. Я как раз пеку печенье. Вы любите «Дамские пальчики»?

Розовая и глянцева, словно пяточек новорожденного поросёнка, кухня блестела стерильной чистотой.

– Какая у вас кухня... словно кукольная! – восхитилась Катя.

– Да? Вам нравится? Немного девчачья, – хозяйка трескуче рассмеялась. – Но я живу почти одна, сын всё время в командировках, дома бывает редко. В сущности, цвет кухни для него не имеет значения. А я всегда мечтала о розовой.

Женщина поставила перед Катей цветастую фарфоровую чашку с чаем, пододвинула тарелку с тёплым продолговатым печеньем. Катя взяла одно, аккуратно откусила кусочек и положила на край блюда. Печенье было пресным.

– Я хотела напомнить вам, что скоро вы... – начала Катя.

– Какая вы хорошенькая! Просто прелесть! – хозяйка не сводила тёмных маленьких глаз с девушки. – Как вас зовут?

– Катя, – смущённо улыбнулась гостья.

– Катерина! Прекрасное имя! И улыбка очаровательная. А меня зовут Мира. Мира Аполлоновна, но для тебя просто Мира. Кем работаешь?

– Я учитель географии в средней школе.

– Самая лучшая профессия для женщины! – Мира всплеснула руками, и Катя отметила большое количество колец на холёных пальцах женщины. – Я в своё время мечтала быть учителем литературы, но... в общем, не получилось. Но я пишу стихи. Позволишь прочитать?

Катя не любила стихов. Она вообще была далека от литературы, предпочитая реальные миры книжным, вымышленным. Но отказать новой знакомой не могла. Стих был длинный, витиеватый. Кажется, про любовь, хотя Катя не была в этом уверена.

Мира закончила декламировать и, в ожидании оценки, по-птичьи наклонила голову.

– Очень красиво, – вежливо сказала Катя.

– Этот стих я посвятила своему сыночке. Мой самый любимый мужчина на свете! Ах, Катенька, если бы ты знала, что такое любовь матери к сыну! У тебя, кстати, дети есть?

Катя отрицательно мотнула головой.

– Я не замужем, и детей нет.

– У такой красавицы – и нет мужа? И куда эти мужики смотрят? – как-то наигранно удивилась Мира. – Но я бы на твоём месте не волновалась, такие, как ты, одни долго не бывают. Вот я познакомилась с отцом Оси совершенно неожиданно!

Девушка деликатно посмотрела на часы. Ей предстояло обойти ещё полдома, а общительная хозяйка сороковой квартиры явно готова была болтать весь день напролёт.

– Тебе нужно спешить, да?

– Я бы ещё с удовольствием задержалась, но работа... – Катя почувствовала себя неловко, словно она оскорбила гостеприимную женщину.

– Конечно-конечно! Это всё я – тра-та-та да тра-та-та. Тараторка, – она рассмеялась, запрокинув голову назад. – Только позволь, я тебе кое-что дам...

Женщина ушла в комнаты, быстро вернулась, неся что-то небольшое в руке.

– Это мой любимый поэт. Осип Мандельштам. Вся моя жизнь пронизана его творчеством. Я даже сына назвала в его честь!

Катя поблагодарила женщину, пообещала непременно прочитать книгу от корки до корки и вышла. Мира просунула голову в дверной проём, сощурилась и произнесла:

– Попрошу с возвратом.

Катенька часто закивала, и дверь квартиры под номером сорок глухо захлопнулась.

С той встречи прошла неделя. В штабе раздали агитационные материалы – яркие календарики с глупыми лозунгами. Нужно было разнести. Томик Мандельштама благополучно покоился на дне рюкзака. Катя его даже не доставала. Но, делая обход, вспомнила про обещание и смело нажала звонок знакомой квартиры. Дверь отворилась на удивление быстро. В проёме возник симпатичный мужчина.

– Ой, – растерянно произнесла Катенька. – А я к Мире Аполлоновне. Она дома?

– Вы к маме? – мужчина очаровательно улыбнулся. – Проходите, пожалуйста.

Мира в привычно пёстром одеянии вышла к незваной гостье.

– Катенька, милая, как ты вовремя! Мы с Осей как раз чай пить садились. Ося торт принес. Вкусный, шоколадный. Ты любишь шоколад?

И растерявшуюся Катю затянули на кухню. Мира хлопотала у плиты, поминутно рассказывая сыну про Катю, а Кате – про сына. Из её рассказа выходило, что они с Катенькой знакомы сотню лет. Иосиф дружелюбно улыбался, подливал девушке чая и подкладывал самые вкусные кусочки. Гостя много смеялась, с удовольствием ловя заинтересованные взгляды молодого мужчины. Час пролетел незаметно. Неожиданно Катенька вспомнила про недоделанную работу и засобиралась.

– Такая хрупкая – и с такой тяжелой ношей, – хозяйка недовольно покосилась на пузатый от макулатуры рюкзак.

– Ничего-ничего, я сама. – Катенька привычным жестом взвалила на плечо поклажу и попятилась к двери. – До свидания, спасибо за чай.

Иосиф протянул было Кате руку для прощального рукопожатия, но Мира решительно стянула рюкзак с Катиной спины.

– Нет уж, Осип тебе поможет. Правда, Ося?

Мужчина закивал головой и с готовностью шагнул к Кате. Он легко взял рюкзак в руку и галантно пропустил девушку вперёд. Выходя из квартиры, Катенька заметила, как быстро захлопнулась соседняя дверь. Или ей только так показалось.

Через три месяца Катенька с Иосифом расписались. Свадьбы не было. Без лишних трат, да и, по выражению Миры, «молодая не настолько молода, чтобы надевать подвенечный наряд». А Катенька и не возражала: она упивалась долгожданным женским счастьем. Колкости свекрови не замечала. Жили молодые отдельно. Пусть и в однокомнатной, но в просторной и уютной квартире. Семейная жизнь была сытой и спокойной. Супруг много работал, часто бывал в командировках. А Катя бросила работу в школе, с удовольствием исполняла роль заботливой жены и хозяйки. Через полгода боль в груди заставила Катеньку обратиться к гинекологу. Врач мягко пожурив её за незнание собственного менструального цикла и поздравила с беременностью. Катя закрыла лицо ладонками и впервые расплакалась от счастья.

– Алло, Ося. Ты можешь говорить? – прижимая телефон к ещё мокрому щекам, зашептала она. – Знаешь, я была у врача. Нет-нет! Всё в порядке. Даже лучше, чем в порядке. Я беременна.

В трубке замолчали.

– Осип, алло! Алло! Ты слышишь? У нас будет малыш!

Супруг что-то промышал и сказал, что перезвонит.

Катенька была немного разочарована реакцией мужа. Её Ося, такой внимательный, такой чуткий...

«Испугался, наверное, – подумала Катенька, и на душе стало сразу спокойно и светло. – Конечно, испугался! И я тоже хороша. Без предупреждения. Мужчины же – как дети. К таким новостям нужно подготавливать». Она решила загладить свою вину, купив что-нибудь вкус-

ненькое к ужину. Но ужина не получилось. Осип позвонил к вечеру и сообщил, что срочно уезжает по делам в другой город. На неделю, не меньше.

Катенька раздумывала, не обидеться ли ей на мужа, строго в воспитательных целях. Но тут в дверь позвонили. На пороге с шикарным букетом стояла Мира.

– Деточка моя! Милая! Как же я рада! – свекровь залетела в квартиру, сгребла растерянную Катю в охапку и звонко расцеловала в щёки. – Мне когда Ося сказал, я так и разрыдалась от счастья. Это он тебе купил, – Мира протянула невестке букет, – заехал попрощаться и просил букетик передать.

«А ко мне даже не заехал», – обиженно подумала Катенька.

Но Мира будто не замечала расстроенного личика невестки. Она щебетала о счастье материнства, о том, на кого будет похож ребёночек, и о своей ответственной роли единственной на всю семью бабушки. Катя кормила свекровь ужином, предназначенным для мужа, и испытывала тоску.

Ночью Кате плохо спалось. Она то и дело вздрагивала от стуков в окно, ей мерещился шорох птичьих крыльев. А утром позвонил Осип. Как обычно, ласковый. Он извинялся за вынужденную командировку и спрашивал о её самочувствии. А цветы? Ей понравились его цветы? О, он так долго их выбирал! Купил самые красивые. И обмякшая от нежности, любуясь в трубку, Катенька простила глупую обиду.

– Сегодня ночью я слышала стук в окно.

– Какой стук? Мы живем на восьмом этаже. Тебе приснилось всё, котёночек.

– Нет-нет. Это был стук. Словно... Словно птица клювом стучит в окно! Да, и шум крыльев я тоже слышала.

– Нашла чего испугаться. Ну птица какая-нибудь села на карниз. Голубь, скорее всего.

– Ося, я вспомнила. Мама моя говорила, что птица, бьющаяся в стекло, – к беде.

Муж помолчал, вздохнул.

– Катенька, не стоит верить в глупые приметы. Ты же современный человек, с высшим образованием. Ну какие приметы? Чушь это всё. Не бери в голову.

Молодая женщина молчала.

– Ну хочешь, я попрошу маму, она останется ночевать с тобой?

– Нет, Ося. Спать с мамой в нашей однушке – это неудобно. Ты, пожалуй, прав. Глупости это всё.

День закружил домашней рутиной. А ночью молодую женщину разбудил непрерывный, навязчивый звук.

«Да что же это такое!» Катенька с раздражением вскочила с кровати. Она быстро подошла к окну и отдернула занавеску. Большая сорока, размером с откормленного кота, не меньше, сидела на карнизе и стучала в окно. Увидев человека, птица не испугалась. Она нагло посмотрела Кате в глаза, раскрыла глянцево-чёрный клюв и закричала. Истерично, визгливо. Полюди. Катя в ужасе попятилась, уткнулась спиной в стену и тихо сползла по ней. Утром её нашла свекровь. Соседи слышали женский крик, позвонили Иосифу, а тот вызвал маму.

– Обычный обморок, такое с беременными бывает, – приговаривала Мира, укладывая бледную Катеньку в кровать. – Сейчас я тебя чаем напою, сладким-сладким. И тебе полегчает.

– Там... в окне... была птица. Сорока. Большая такая. Я встала... и...

– Встала резко, голова закружилась, и ты сознание потеряла.

– Нет, нет! Она кричала! Так страшно кричала, я испугалась очень.

– Деточка, ну какая птица? Это ты кричала. Соседи всё слышали. Приснилось тебе или привиделось. Ося, конечно, совершенно не прав. Оставлять беременную женщину одну нельзя. Ты становишься такой впечатлительной, мнительной и рассеянной. Самочувствие и настроение портятся. Да я сама такой была!

Катя беспомощно посмотрела на свекровь.

– Значит, так, детонька, – Мира решительно осмотрела комнату. – Собирай вещи, всё, что тебе необходимо на первое время, и поехали ко мне. Будешь жить в детской комнате Осипа.

И, погладив Катю по голове, добавила:

– Хотя бы первое время. Пока Осип не вернётся из командировки.

«Пока Ося не вернётся, пока Ося не вернётся», – повторяла Катя про себя, собирая вещи и укладывая их в дорожную сумку.

Супруг задерживался. Сначала на одну неделю, потом на другую. Приехал на три дня, суматошный и взволнованный. Отдохнул и снова собрался в длительную командировку.

Катенька тихо негодовала. Ося был явно рад переезду супруги к матери и не спешил возвращать жену. Непостижимо! Внутри неё растёт, развивается новая жизнь, другой человек, микрокосмос. А муж не принимает в этом таинстве никакого участия. Словно теперь это не его проблемы. Вся Катя – не его проблемы.

В день командировки Осип традиционно заехал попрощаться. Свекровь усадила сына завтракать. Вспомнив, что хлеб закончился ещё вчера, отправила невестку в соседний магазин. Катенька уже вышла из подъезда, когда сообразила, что кошелек оставила дома. Шёл четвёртый месяц беременности, и Катенька всё чаще замечала за собой лёгкую рассеянность. Она нашла это забавным и в весёлом расположении духа вернулась в подъезд. Она собиралась нажать на звонок, когда соседняя дверь тихо приоткрылась и всё та же сухонькая старушонка просунула свою седовласую голову на черепашьей шее.

– Не послушалась меня, да? – прошамкала соседка. – Спуталась...

Катя растерянно смотрела на старушку, не зная, что ей ответить. Старый, одинокий человек... Только посочувствовать. А старуха, окинув Катю цепким взглядом, вдруг поджала губы, мелко затряслась.

– Что же ты натворила, глупая. Вот уже и приплод... Кормёжка ведьме! – и всхлипывая, оттягивая уголки тонких губ к морщинистому подбородку, произнесла нараспев: – Прямо как моя Иришка!

«Сумасшедшая!» – подумала Катя и схватилась за дверную ручку своей квартиры, сильно потянула её вниз. Дверь оказалась незапертой. Катенька поспешила внутрь, подальше от чокнутой соседки. Дома её появление осталось незамеченным. Мира и Осип что-то эмоционально обсуждали на кухне.

– Ося, ты же понимаешь, как это важно для меня! – свекровь истерично подвизгивала. – Неужели тебе сложно? Для меня, для родной матери?!

– Хватит, мам, перестань, сколько можно?

– О, милый, ты же всё понимаешь, – голос свекрови стал мягким, нежным.

Катеньке не хотелось быть невольной соучастницей семейной ссоры. Она собиралась выйти, когда услышала всхлипывания Мира.

– Это дитя, родной мой, необходимо мне. Шестой месяц – критичный срок. После этого срока я... уже... – Мира то ли всхлипнула, то ли взвизгнула. А Катя замерла в коридоре.

– Мне не жить без твоего ребёнка. Неужели ты хочешь моей смерти?

До Кати доносились приглушённые всхлипывания и утешительное бормотание Осипа. Девушка ещё послушала с минуту и тихо вышла из квартиры.

«Словно чавканье вантуза в забитой раковине», – подумала Катя и устыдилась. Ничего смешного в этой некрасивой сцене не было. Но почему же ей не жаль эту плачущую женщину?

Вечером этого же дня Мира Аполлоновна хлопотала на кухне. По её заверениям, она готовила особенный ужин. Напевала что-то себе под нос, размешивая еду в кастрюльке. Катенька рассеянно водила пальцем по узору скатерти и не понимала причину своей хандры.

– Мира, что вы такое напеваете? Мотив знакомый, а слов не разобрать, – от нечего делать спросила Катя.

– Да так, детская потешка. Старая-престарая, мне её ещё моя бабушка пела. Про сороку-белобоку.

– Которая кашку варила?

– Именно, деточка. Только моя бабушка не про кашку пела. Совсем не про кашку.

И Мира засмеялась. Гортанно, по нарастающей, не открывая рта, растягивая губы в изогнутую улыбку. Катя неприятно поёжилась.

– Вот, – свекровь поставила на стол перед девушкой тарелку с бурой студенистой смесью. – Ешь.

– А что это? – поморщилась Катя.

– Коливо. Блюдо такое. Очень полезное для тебя и для ребёночка. Лучше всякой аптечной химии!

Мира задумалась на секунду и добавила:

– Особенно для развития мозга.

– Раз полезно...

Катя зажмурилась и быстро проглотила пару ложек угощения. Блюдо имело неприятное металлическое послевкусие, но в целом было съедобным.

Этим же вечером Катенька застала свекровь за расчесыванием волос. Мира полностью отдавалась этому процессу. Она блаженно прикрывала глаза, немного закидывала голову назад и что-то тихо нащёптывала. Шёпот нарастал, становился всё громче, и вот уже Катенька могла разобрать слова:

Сорока-белобока

Коливо варила,

Под порог поскакивала,

Гостей посматривала:

Не вышли ли гости? Не несут ли гостинцы?

Вылезли гости,

Привезли нам кости.

«Ну и потешка! – подумала Катя. – Похлеще серенького волчка. А если она этот бред будет нашему ребёнку петь? Нужно будет поговорить об этом с Осипом». Катенька не стала мешать свекрови и не прощаясь ушла спать в свою комнату. Всю ночь ей снились кошмары: огромные сороки раскрывали хищные, остро заточенные клювы, щёлкали длинными, похожими на кольчатых червей, языками. Под мощными крыльями скрывались чёрные когтистые лапы. Одна из сорок схватила гниlostно-зелёную человеческую руку с посиневшими ногтями, погрузила её в котёл и принялась помешивать варево. Приторно-сладкие миазмы пахнули на Катеньку. Остальные сороки нетерпеливо скакали у котла.

Сорока-белобока

Коливо варила,

Под порог поскакивала,

Гостей посматривала:

Не вышли ли гости? Не несут ли гостинцы?

Вылезли гости,

Привезли нам кости.

Этому кишки,

Этому потрошки,

А этому недостало.

Поди, там есть колодец,

Напейся водицы.

Тут пень,

*Тут колода,
Тут мох,
Тут болото,
Тут студёная водица
Захлебнуться, не проснуться.*

«Проснуться! Срочно проснуться!» – скомандовала себе Катя и открыла глаза. На кровати сидела свекровь и гладила её по руке.

– Ну чего ты? Чего? Приснилось что дурное? – участливо спросила Мира.

– Что вы тут делаете?

– Ты кричала во сне, я зашла, попыталась тебя аккуратно разбудить, да, видимо, всё равно напугала. Водички будешь?

Катя кивнула и выпила предложенную воду.

– А теперь спи, спи, детонька. А я рядом посижу.

Катенька думала, что после увиденного заснуть не сможет, но новый сон сморил её быстро. Поначалу она ничего не видела, только тьму, но вот заблестел маленький голубой огонёк, и Катенька устремилась к нему. Огонёк рос, приближался. Можно было увидеть кукольную головку, сжатые ручки и ножки. Игрушка шевелилась, открывала крохотный ротик, зевала. Малыш! Это же живой младенец! Катя посмотрела на свой живот. Из него вилась голубая ниточка, связывающая её и младенчика. Катенька протянула руки к малышу, но в ту же секунду вздрогнула от сильной боли. Ниточка, прекрасная голубая ниточка беспомощной плетью повисла вдоль живота.

Сон, сон. Это всё опять дурной сон. Боль не уходила. Катя перевернулась на другой бок и почувствовала холодную липкую лужицу под поясницей.

В больничной палате было тесно. Четыре койки с одной стороны и четыре с другой занимали женщины разных возрастов. Беременные на сохранении, одна после аборта и двое после операции: бабулька семидесяти лет и Катя. Врач, строгая, подтянутая, вошла в палату и направилась к Катеньке.

– Как самочувствие? – женщина аккуратно присела на край кровати и принялась изучать документы. Девушка молчала. – Слава Богу, операция прошла удачно.

– А ребёнок?

Женщина закрыла карту и сочувствующе посмотрела на девушку.

– Вы не были беременны.

– Неправда, – прошептала Катя.

– Это был пузырьный занос. Сложное заболевание, при котором...

– Неправда! – Катя взвизгнула. Вся палата внимательно смотрела на скандалистку. – Ребенок был, мне врачи говорили. И УЗИ, я делала УЗИ.

– К сожалению, мы живем в такое время, где не каждый специалист является таковым. Мне очень жаль.

Женщина встала и направилась к выходу.

– Доктор, я ещё смогу иметь детей? – спросила Катенька.

– Нет никаких гарантий. С таким большим заносом мне не приходилось сталкиваться в своей практике. Но при адекватном лечении есть шансы сохранить репродуктивный потенциал с возможностью последующей нормальной беременности. Будем надеяться на лучшее.

Ося не навестил Катю ни разу за всё время её пребывания в больнице. Свекровь однажды позвонила. Сказала, что она так и знала, она видела, кого берёт её сынок, и вся вина лежит полностью на Кате. И вообще, нужно было сначала проверить её, затребовать анализы,

а потом звать замуж. Достаточно было взглянуть на эту малахольную, чтобы понять: из неё ничего путного не выйдет. Монолог продолжился рассуждением о неполноценности семьи без детей и завершился издевательским вопросом: понятен ли Кате её намек или ей требуется пояснить более конкретно? Катя даже не плакала. И совсем не удивилась, по выписке из больницы обнаружив свои вещи в свекровиной квартире. Упакованные в пакеты у стенки. Подхватив пакеты, Катенька вышла из ненавистой сороковой квартиры. Она в нерешительности постояла на лестничной клетке и надавила на дверной звонок сумасшедшей соседке. Но дверь не открывали. В школу Катя так и не вернулась. А ещё через полгода шумный плацкартный вагон увозил её далеко-далеко, к северным холодным водам.

– Вера Борисовна, можно? – курносая медсестра просунула голову в приоткрытую дверь.

– Да, Надюша. Что там у тебя? – женщина сняла очки, зажмурилась и потёрла переносицу.

– Пришёл повторный гистологический анализ Балабановой.

– А, это той девушки с пузырьным заносом. Ну давай сюда.

Медсестра нерешительно протянула бумагу.

– Вера Борисовна, результат тот же. Это не трансформированный хорион. Это... кусок свинины...

Вера Борисовна внимательно просматривала результаты. А медсестра растерянно продолжала свой монолог:

– Свинина в матке – кому скажи, не поверят. Хотя... Помню, бабушка мне рассказывала, что есть ведьмы такие, они детей в утробе материнской воруют. И меняют на кусок свинины или уголь. Если уголь – то мать умирает, а со свининой ничего... Выживает.

Врачиха в недоумении подняла глаза на медсестру.

– Надя, что вы чушь какую-то мелете. У вас работы нет?

Смутившись, медсестра поспешила удалиться из кабинета.

– Да уж, специалистов с каждым годом становится всё меньше и меньше.

И, с раздражением положив на рабочий стол гистологическое заключение, Вера Борисовна принялась писать вменяемый отчёт.

Муза

Анна Платунова

Никто не знает, что внутри меня расползается чернота, течёт по венам, перемешиваясь с кровью. Мне порой даже кажется, что воздух, который я выдыхаю, отравлен этой тьмой. Ночью особенно тяжело: проснувшись, я пугаюсь, что затопила комнату чернотой, надышала её. Тогда я бегу к окну, торопливо дёргаю пластиковую ручку – быстрее, быстрее. Занавески взмывают вверх и опадают, как обмякшие крылья. Я дышу, дышу и никак не могу надышаться. Мне всё мало. Вчера ночью влезла на подоконник и долго смотрела вниз. А что если? Вдруг поток воздуха подхватит меня, унесёт прежде, чем я коснусь земли. Коснусь. Какой милый эвфемизм. Меня размажет в лепёшку, так что мало не покажется. Никаких крыльев. Никакого волшебства. Ничего нет. Только одинокая девушка на подоконнике.

Самоубийство. И слово какое колючее, некрасивое. Шипит, словно змея. Однако я привыкла называть вещи своими именами. Но точно ли я хочу шагнуть в пропасть? Или это крик в пустоту: ты слышишь меня? Ты слышишь меня? Я на грани, я упаду сейчас. Да что там: я давно уже падаю. Кто же подхватит меня?

На работе – я работаю бухгалтером – никто ни о чём не догадывается. Девушки, что работают рядом, привыкли к тому, что я молчалива и мало улыбаюсь. Мы иногда разговариваем о цветах, о даче, о смешных роликах на Ютуб. Котики, щенки, забавные детишки. Но чаще я просто смотрю в экран компьютера. Ряды цифр выстраиваются в моей голове, на время вытесняя тьму. Не потому, что я люблю свою работу, но простые логические действия придают жизни кажущуюся правильность. Мнится, будто всё идёт так, как надо, пока я не выхожу вечером на улицу.

Осень обволакивает меня со всех сторон, принимает в свои влажные объятия, пахнущие сыростью и тленом. Дождь. Тьма и дождь. И больше ничего нет в этом мире.

Я не то чтобы хочу умереть. Наверное, не могу представить, как это, когда меня не станет. В это невозможно поверить – я всё равно где-то буду. В том-то всё и дело: я хочу быть где-то, но не могу больше и дня оставаться в этом мире.

Я никому здесь не нужна. Мама умерла, папа оставил нас, когда я была ещё ребёнком, с тех пор я ничего о нем не слышала. Я никому не разобью сердце, если уйду так рано.

Только одно пока удерживает меня на краю: а что если нет другого мира? Что если чернота поглотит меня окончательно? Только и ждёт, чтобы с чавканьем засосать меня.

Да или нет? Да или нет? Два ответа, как две чаши весов, склонялись то в одну сторону, то в другую. Вечером шорох капель по стеклу шипел, шелестел: «Да, да, решайся». А утром серый, бледный луч, пробившийся сквозь занавески, такой же слабый, как моя решимость задержаться здесь ещё ненадолго, говорил: «Подожди один день, только один день».

Наверное, поэтому я и села однажды перед пустым листом документа Word, глядя на него с недоверием. Я привыкла работать в Excel и в специальной бухгалтерской программе, а белый чистый лист, на котором не было ни одного знака, внушал недоверие и страх. Что он сулил мне? Чем его заполнить? Он не давал никаких намёков и никак мне не помогал, в отличие от привычных интерфейсов. Я надеялась записать свои мысли и как-то разобраться с ними. Разложить по полочкам, выстроить в столбцы, подобрать баланс и наконец определить, в минусе или плюсе я нахожусь.

Мои руки легли на клавиатуру, погладили клавиши.

«Я не хочу жить».

Напечатанные строчки казались выпуклыми и до невозможности реальными. Я будто только сейчас осознала эту мысль, словно произнесла её вслух. Капельки тьмы выплеснулись из моей души и застыли словами на экране.

«Я не хочу жить. Пыталась понять, когда впервые ощутила это чувство пустоты и бесполезности мира. Наверное, всегда носила в себе эту червоточину, которая с годами разрослась до размеров моей души. И больше не осталось ничего внутри, одна оболочка».

Больше я ничего не смогла добавить. Сидела, уронив голову на руки, слушая мерный шум процессора, да так и уснула. Проснулась посреди ночи, не понимая, где нахожусь. Потом вспомнила: села подводить баланс своей жалкой жизни, но задремала. Я посмотрела на экран, хотя прекрасно помнила, о чем успела написать. И вдруг распрямилась на стуле, откинула с лица волосы, провела рукой по лбу. Я, может быть, ещё сплю? Но всё было реальным: комната, стол, матово светящийся экран. Вот только текста стало гораздо больше. Я пробежала глазами по строчкам.

«Я ведь была счастливым ребёнком. Помню, даже осенние ливни не вызывали тоски. Ноги мокрые, куртка насквозь, с головы потоки воды, а домой не загнать. Мама отругает, стащит мокрую одежду, посадит в горячую воду, так что дышать тяжело от жара, но голова ясная и на душе весело.

Я просыпалась с радостью независимо от того, какая погода за окном. В ненастные дни даже с большей охотой. Выходя из подъезда в метель или ливень, я представляла, что я первопроходец, отважный покоритель новых земель. Я должна преодолеть препятствия на пути к цели. Это бодрило и заставляло щёки наливаться румянцем. Когда ты ребенок – кажется, что по плечу любая трудность».

Я застыла, глядя на монитор. Это что, какая-то шутка? Я не могла этого написать, никак не могла! К тому же я совершенно не помнила этих событий. Мама отогревала меня в ванне после того, как я нагулялась под дождём? Возможно. Но так поступают и тысячи других матерей, как и тысячи других детей намокают до нитки, не торопясь идти домой. Я чувствовала себя первооткрывателем, борясь с ледяным зимним ветром? Хм, на меня не похоже.

Я огляделась по сторонам, ощущая, что по спине прокатился холодок. На всякий случай включила свет и осмотрела каждый уголок своей крошечной квартиры. Прятаться в однушке негде, здесь и одному человеку тесно. И всё же я отодвинула занавески, заглянула под кровать, чувствуя себя одновременно испуганной и глупой. Подёргала входную дверь – заперто.

Тогда я подумала о том, что кто-то подключился к моему компьютеру через сеть. Точно! Сама я не сталкивалась, но читала о чём-то похожем. Я задремала, а кто-то пошутил надо мной. Страх и оцепенение как рукой сняло. Я фыркнула, покачала головой, сама удивляясь своей доверчивости. Попалась, как маленькая.

Щёлкнула мышкой, закрывая документ. «Вы хотите сохранить изменения?» – спросила программа. Рука зависла над кнопкой «Не сохранять», а потом почему-то метнулась влево и нажала «Сохранить».

Весь следующий день я думала о своем детстве. Пыталась вспомнить, кем хотела бы стать. Думаю, что не бухгалтером точно. Первооткрыватель новых земель, хм...

– Татьяна, ты что-то сегодня такая молчаливая, – оторвала меня от мыслей начальница отдела. – Влюбилась, что ли?

Она и другие сотрудницы фыркнули, точно я и влюблённость два полюса магнита – абсолютно несовместимы.

Я не посчитала нужным отвечать, пусть думают, что хотят. Но, признаться, маленькая тайна согревала меня. Пусть даже это чья-то неостроумная шутка.

Вечером, наскоро поужинав, включила ноутбук и открыла документ. Не знаю, чего я ждала. Увидеть продолжение? Однако к написанному не добавилось ни строчки.

Я постучала пальцами по клавишам, набирая бессмысленные знаки. Мысли отказывались облекаться в слова, а слова в предложения. Забавно, что речь идёт о моей жизни, а я даже не знаю, что говорить. Неужели я настолько пуста?

«Мальчиков я никогда не интересовала. Они считали меня серой мышью. Сначала я ещё делала попытки понравиться, а сейчас со стыдом и отвращением вспоминаю об этих жалких потугах. Мышь на каблуках. Мышь с начёсом на голове. Бледная моль с алой помадой на губах. То ещё зрелище...»

Я остановилась и посмотрела на экран. Курсор мигал на том самом месте, где я остановилась.

– Ну? – прошептала я вслух и немного испугалась, услышав звук своего голоса.

С кем я говорю? Так и нервный срыв случится.

Я резко встала и отправилась на кухню, чтобы заварить крепкого кофе. Ладно, шутки в сторону. Сейчас вернусь и удалю этот дурацкий документ.

Пришла через несколько минут и уже издали увидела, что текст на странице расплылся ещё на пару абзацев. Отхлебнула обжигающий напиток и даже не почувствовала его вкуса. Бочком втиснулась на стул. Читать было страшно, и в то же время по венам словно бежал ток.

«А Санька? Санька из восьмого «Б». Он молча таскал мою сумку из школы. Пухлый такой здоровяк, не очень-то разговорчивый. Ждал у крыльца после уроков. Он учился в параллельном классе, и расписание не всегда совпадало. А он ждал, в непогоду подняв воротник и натянув свою смешную вязаную шапку почти на самый нос. Иногда доставал из кармана мятые леденцы с прилипшими обертками. Леденцы в крошках табака. Он курил, этот Санька. И вообще был двоечником и хулиганом. Задибался и мог покрыть матом даже учителя. А один раз я видела, как он сцепился с парнем из одиннадцатого. Махал кулачищами, как кувалдами.

А со мной он был молчаливым. Тогда я не понимала, чего он хочет. Зачем ходит и ходит, таскает сумку, ждёт у крыльца. Леденцы эти ещё... Хотя бы раз по-человечески сказал, дурачок. А потом его родители переехали в другой город: отец у Саньки был военный. И так пусто было первое время – выходишь во двор, а там никто не ждёт».

Ой, Санька! Я про него и думать забыла. А сейчас прочитала и точно живой перед глазами. Как он, интересно, сейчас? Где? Вот бы разыскать через соцсеть. Как же у него фамилия была? Вершинин, кажется? Точно! А уехали они в Волгоград!

Я вошла в сеть ВКонтакте и забила в поиск Александра Вершинина, установив фильтр на город и возраст. Ему, как и мне, должно быть двадцать пять плюс-минус год. Узнаю ли я его по фотографии? Я надеялась, что он не сильно изменился за это время.

Имя и фамилия оказались довольно распространёнными, так что я потратила уйму времени, листая страницы профилей. И всё же взгляд выхватил из вереницы мужских лиц одно, показавшееся смутно знакомым. Тот же острый взгляд из-под густых бровей, те же сжатые губы. Военная форма. Он пошёл по стопам отца? Да и он ли это? И узнает ли он меня после стольких лет?

Я полистала фотографии в его ленте. Личных было немного. В основном Санька фотографировался на службе. Вот он у самоходного орудия, или как называется эта машина, напоминающая танк. Вот у стенда с указкой в руках. И смотрит так серьёзно... Совсем как когда-то в юности.

Что делать дальше? Добавить в друзья? Написать сообщение? Привет, Санька. Это Таня, помнишь, как ты меня у школы ждал и дарил леденцы? Звучит невероятно глупо. Может быть, он женат давно!

Я скосила глаза на строчку «статус». «В поиске». Почему-то задрожали руки и кофе горчил во рту. Ладно, чего я теряю, в конце концов. Хуже всё равно не будет.

– Здравствуй, Саша.

Санька был не онлайн, иначе бы я не решилась написать. Только хотела закрыть страницу, как Саня появился в сети. Наверное, сообщение пришло ему на телефон.

– Привет.

Я так и слышала недоумение в его голосе и вопрос в конце предложения: «Кто ты?»

Из холода бросило в жар, я вцепилась в край стола, пытаюсь почувствовать под собой какую-то точку опоры. Стыдно-то как: он не помнит меня, совсем не помнит. Что теперь отвечать?

– Мы учились в одной школе, до того как в восьмом классе ты уехал.

– А, да.

И снова недоумение между строк: «И что? Зачем ты мне пишешь?»

Он не помнит, как провожал меня, как доставал из кармана слипшиеся леденцы, как молчаливо шагал рядом, повесив на одно плечо свою сумку, а на другое мою. Пауза затягивалась. Мне неудержимо хотелось захлопнуть ноутбук, отгородившись от мира. Снова остаться один на один с собой. Но что тогда? Снова чернота и тёмный провал окна? В любом случае – это отличный, самый быстрый способ покончить с любым стыдом. К тому же я ведь мечтала быть первопроходцем, я была отважной когда-то!

И, словно совершая тяжёлый подъем на вершину, начала медленно набирать текст, думая над каждым словом.

– Ты меня, конечно, не помнишь, столько лет прошло. А я вот от нечего делать разыскиваю в сети бывших одноклассников. Ещё немного времени пройдёт, и уже не найдёмся. Мы с тобой в параллельных классах учились, но я вспомнила имя и фамилию. Решила найти вот. Извини, что отвлекаю.

Санька пару мгновений «молчал» – читал текст. Потом я увидела, как он набирает сообщение.

– Ты не отвлекаешь! Я рад. Как дела? Как жизнь вообще?

Он не вспомнил, но и не нагрубил, отшивая назойливую девицу. Я не знала, о чём ему написать, но заканчивать разговор сейчас было бы странно. Поэтому, приложив невероятное усилие, я выдавила из себя пару предложений о работе и жизни.

И сама не поняла, как это получилось – не прошло и получаса, как мы болтали, как два старинных приятеля. Санька рассказал о том, что окончил военный институт, служит, не женат: служба отнимает слишком много времени и сил. Надо было раньше жениться, а теперь и на свидание не вырваться. Ни одна девушка не согласится встречаться раз в неделю. А как ты? Замужем? Парень есть? Нет? Отлично! То есть я не то хотел сказать. Ну, ты догадалась.

На работу на следующий день я вышла не выспавшаяся, с красными глазами, взъерошенная. Коллеги решили, что я заболела, и дружно поили меня горячим чаем. А я такой здоровой давно себя не чувствовала. Удивительное дело: человек ходит на грани – и этого никто не замечает. А стоит начать оттаивать, как сразу бросается в глаза. Я не стала разубеждать их, объясняя, что всю ночь общалась в социальной сети с человеком, которого не видела больше десяти лет. Не поймут, они и так меня странной считают.

Необычно было то, что из нашей детской дружбы с Санькой я не помнила ничего, кроме этих прогулок из школы домой. Все они слились в одну большую бесконечную прогулку. Он никуда меня не приглашал? Не заходил в гости? Мы даже в кино ни разу не сходили? В любом случае, он тоже мало что обо мне помнил, вежливо уходил от разговора, когда я задавала вопросы. Неважно. Дела давно минувших дней. Общаться с повзрослевшим Саней было куда интереснее, чем с молчаливым мальчишкой.

– Давай я приеду? – предложил он спустя неделю переписки. – У меня скоро отпуск. Мне кажется, я тебя знаю тысячу лет.

– Ты меня и знаешь тысячу лет, глупый! – Смеющийся смайлик. – Ладно, всего десять, но это почти тысяча.

За всё это время я ни разу не открыла документ, в котором пыталась подвести итог жизни. – Приезжай, – написала я спустя несколько дней.

Всё это напоминало оживший сон, но в то же время подспудно я всегда, кажется, знала, что именно так всё и произойдёт. Всегда представляла, каким будет мой парень – серьёзным, не болтуном, и в форме. Подсознательно держала в голове этот образ. Хотя чему удивляться, хоть я ни разу за эти годы и не вспомнила друга детства, но ведь где-то глубоко внутри знала о нём. И всё же всё происходящее казалось нереальным. Общались в соцсети, а теперь он едет ко мне.

Звонок в дверь раздался вечером следующего дня. Саня наотрез отказался от того, чтобы я поехала встречать его на вокзал. Спросил только адрес и пообещал, что доберётся сам. Хотя, признаться, я всё равно хотела сделать ему сюрприз и подъехать к поезду. Вот только так и не смогла найти в расписании поезд из Волгограда. Ничего не поделаешь, значит, он на проходящем, и придётся ждать дома.

Санька стоял на пороге и был именно таким, как нужно. Он вытянулся ещё больше, так что я теперь едва достигала ему подбородка. Мальчишеская пухлость ушла, и передо мной стоял широкоплечий мужчина.

Санька был одет в полевую форму, не стал переодеваться в гражданское. Ему, видно, так привычнее, да и я, если честно, мечтала увидеть его в военной форме. Он пристроил на полку свою сумку, а я как-то сразу смутилась, не понимая, что делать дальше. Что делают в таких случаях?

– Ты проходи на кухню, – засуетилась я, торопливо снимая фартук: весь вечер пекла пирожки. – Будем чай пить.

Саше тоже стало неловко. Он потянулся то ли поцеловать меня, то ли обнять, но момент был потерян, и мы оба ступешевались. Я махнула рукой в направлении приоткрытой двери кухни, а сама юркнула в ванную комнату, чтобы поплескаться холодной водой на разгорячённые щёки. Сдёрнула полотенце и, подержав под краном, прижала ледяную ткань ко лбу. Вот, он здесь. И что дальше? Он останется на ночь? И где мне его положить? Почему-то до этого момента в наших разговорах ни разу не всплыла эта щекотливая тема.

Саня сидел за столом, положив перед собой руки. При появлении меня ожил и поднял взгляд.

– Что теперь? – спросил он.

Какой странный вопрос. Какой ответ он хочет получить?

Я села напротив, не решаясь смотреть на него прямо, опустила взгляд. Увидела, как потянулась ко мне его рука и его пальцы соприкоснулись с моими. Я попыталась вспомнить, держались ли мы когда-нибудь за руки в детстве. Или только ходили рядом? Я изо всех сил напрягала память, но видела только леденцы, сумку на его плече, шапку, надвинутую на лоб. Только то, что записала на страничку своего дневника.

Стоп. Это не я писала. Как я могла забыть о том, что строки появились в документе словно ниоткуда? Мороз пробежал по коже. Но ведь это всё равно обо мне, это ведь мои воспоминания!

– Чего бы ты хотела? – спросил меня Саня.

– Саня... – голос стал хриплым, точно я простудилась. – Сейчас... Что-то голова закружилась. Ты порежь пока хлеба, потом будем чай пить.

Зачем хлеба? У меня целый противень пирожков готов. Но я поняла: мне нужно было как-то его отвлечь, чтобы прийти в себя. Не могу, когда он вот так сидит и смотрит, и за руку держит. С какой стати!

Но другая часть меня противилась: «Ты что! Это же Саня, друг детства! И вы уже столько времени переписываетесь! Он к тебе из Волгограда приехал!»

Да, вот только поезда из Волгограда сегодня нет...

Я с трудом оторвала взгляд от своих сомкнутых рук и посмотрела на Сашу, который стоял спиной ко мне и резал хлеб на деревянной доске. Нарезал батон тонкими-тонкими ломтиками, по два миллиметра толщиной. Медленно и размеренно, словно машина, выполняющая приказ. Пальцы левой руки отодвигались от ножа, пока хватало места, а потом отодвигать их стало некуда – и нож принялся кромсать хлеб вместе с пальцами. Сквозь разрезы сочилась тьма вместо крови. Сгустки черноты падали на доску, на стол, на пол, а Саня продолжал водить ножом, будто ничего не происходит.

– Ааааа! – закричала я.

Больше ничего не помню. Очнулась, лежа на полу. В кухне стоял сладкий запах пирожков с повидлом. Батон нарезан аккуратными кусочками. Я вскочила на ноги, бросилась в комнату, потом в прихожую.

– Саша! Саша!

Никого. В прихожей пусто: ни сумки, ни обуви. Я вспомнила: когда он входил, от ботинок остались на ковре маленькие комочки грязи. Сейчас их не было.

Я схожу с ума. Вот единственное объяснение всему происходящему. Не было никакого Сани, ни сейчас, ни в детстве.

Я долго сидела в кресле, раскачиваясь и вцепившись пальцами в колени. Потом медленно-медленно, шаг за шагом переползла ближе к ноутбуку и включила его. Первой мыслью было написать Саше в ВКонтакте, но я поскорее отбросила эту дикую идею.

Документ! Мне нужен был документ! Ворд загружался дольше, чем обычно, и я уже почти уверилась в том, что и листок дневника исчез бесследно, но экран моргнул и загрузил те самые несколько абзацев. «...выходишь во двор, а там никто не ждёт», – выхватил взгляд. Я остановилась в прошлый раз на этом самом месте, и сейчас почувствовала лёгкий укол разочарования: новых строк не добавилось. А чего я, интересно, ждала? Что кто-то в моё отсутствие продолжит за меня мой дневник? Теперь это всё меньше походило на шутку из сети. История приобретала всё более жуткую окраску.

Хотя всё могло объяснить моё безумие. Я засмеялась, потом всхлипнула. Положила руки на клавиатуру.

«Смерть моей мамы четыре года назад окончательно меня подкосила. Она всегда была моей опорой, а на кого мне опереться теперь? Мама понимала меня с полуслова. Поговоришь с ней, и любая тревога рассеивается...»

Мама. Как я скучаю. Как бы хотела хоть ещё один раз увидеть тебя...

Подняла лицо, чтобы удержать слёзы. Детская привычка навсегда осталась со мной: когда-то мне казалось, что, если задрать голову, слёзы затекут обратно. В любом случае, это помогало сдерживаться.

А когда вновь посмотрела на экран, поняла, что привычный мир рухнул. Прямо на моих глазах по белому листу бежали строчки.

«Хорошо, что смерть – относительное понятие. Что такое смерть, как не глупая привычка считать окружающую действительность тем, что можно измерить, посчитать и наклеить ярлыки. Небо синее, трава зелёная. Логика и простота. Ряд натуральных чисел начинается с единицы. Может быть, на самом деле небо синее лишь потому, что большинство людей хочет видеть его синим? А чего хочешь ты?»

«Чего бы ты хотела?» – спросил меня Саня.

Нет, не Саня. Нет никакого Сани. Только чернота.

Курсор на мгновение замер, а потом слова стали появляться ещё быстрее. Я едва успевала читать.

«Ко мне сегодня приедет мама, ведь я этого так сильно желаю. Мы напьемся чаю и наедемся до отвала сладких пирожков. Ведь это она меня учила их печь в детстве. Помню, как мы обе стояли по уши в муке и смеялись. Мы обнимемся, и я поплачу у неё на плече...»

Нет!

«Мы обнимемся, и я расскажу о том, как жила эти четыре года...»

Нет, нет, это невозможно! Это всё нереально!

«Она поднимается по ступеням. Она готовилась к встрече, надела то самое платье с сиреневыми цветами и подвеску, что я подарила ей на юбилей...»

Я вскочила на ноги, дико оглядываясь по сторонам. На мгновение показалось, что за моим плечом стоит тень, которая тут же скользнула в сторону, смешалась с другими тенями.

В дверь тихо постучали, но этот тихий стук в застывшей тишине прозвучал громче выстрела.

– Кто?.. – прошептала я.

Я сидела на полу, не помня, как я здесь оказалась. Сидела прямо на грязном коврикe, прижимаясь горячим лбом к замочной скважине. Там, за дверью, кто-то стоял, я слышала тихий шорох, словно кто-то водил ладонью, пытаясь погладить меня сквозь дверь.

– Это я. Мама.

– Я... я... Не открою. Я не могу...

– Я подожду, пока сможешь, доченька...

Я села перед погасшим монитором. Просто не знала, что ещё делать. В матовой поверхности отражалось моё бледное лицо. Я присмотрелась: рядом с белым лицом я увидела тёмное, едва заметное на чёрном экране. Я стояла у себя за спиной, положив руки себе на плечи. Я даже не стала сопротивляться, когда тёмная я села на моё место перед ноутбуком. Туда, где уже находилась я светлая. Мы стали едины. Мы и были едины. Жаль, я не понимала этого раньше.

Меня заполняет чернота. Течёт по венам, перемешиваясь с кровью. Чернота меня больше не пугает. Это всего лишь чернила, которыми можно написать любую историю. Любую, какую только захочу.

Небо зелёное, яркое и сияющее. Трава сиреневая. Смерти нет. И люди умеют летать.

Ловушка Безголового Виктор Зорин

Авантюра

Однажды, когда июньская послеполуденная жара охватила столичный город Минск, дверь дома номер пять по улице Золотая Горка начала медленно открываться. Рядом с дверью висела табличка «С. Самуйлик. Конфиденциальный частный розыск». Затем в горячую духоту из прохладного холла вышел щеголевато одетый молодой человек. На нём был лёгкий костюм-двойка сливочного цвета с острыми стрелками на брюках и ярко-бирюзовая рубашка с воротничком-стойкой. Со скамейки, спрятавшейся в тени крупной липы, к нему бросился полноватый мужчина лет пятидесяти с мясистыми щеками и чёрными волосами до плеч. Одет он был во всё белое: шляпа, рубашка, брюки и летние туфли в дырочку.

– Джень добры, пан Станислав? – заговорил он, делая ударение на предпоследний слог имени и улыбаясь.

– Стас. Меня зовут Стас, – ответил щёголь – высокий блондин с вьющимися волосами, тонким носом и чуть саркастической линией рта.

– Отлично! – обрадовался мужчина; он говорил по-русски с акцентом, пришепётывая, но довольно бойко. – Я Анджей Заремба, хозяин хётэл.

– Что «хотэл»?.. – переспросил Стас, решительно перемещаясь под спасительную тень липы.

– Хотэл, отель. Имею до вас тайное дело о духе без головы, – странный мужчина понизил голос. – Пропадают люди.

Блондин молчал.

С некоторым сомнением в голосе хозяин отеля спросил:

– Вы разыскиваете людей?..

– Да, конечно, – словно очнувшись, ответил щёголь.

Молодой человек, назвавшийся Стасом, солгал: он никогда в жизни никого не разыскивал, поскольку работал директором районной библиотеки в городе соседнего государства, а именно в Санкт-Петербурге. Станислав Самуйлик, к которому в жаркий день Стас заехал в гости, был его другом детства. Подружились они ещё в школе в городке Сураж под Витебском. Постороннему могло показаться, что у них похожие имена, но у Стаса Жеромского в свидетельстве о рождении было написано «Стас», а Станислава родители и друзья называли Станя. В двухтысячном году, «на Миллениум», родители Стаса переехали в Петербург, а бабушка осталась жить в Беларуси. Станя Самуйлик выучился в Минске на юриста, а Жеромский поступил в питерский Институт культуры на «девочковый» библиотечный факультет, который и окончил с отличием.

В настоящее время Стас находился в отпуске. Он пожил немного у бабушки Насти в Сураже и в один прекрасный день решил сделать сюрприз старому приятелю, навестив его прямо в офисе. Они вместе неплохо провели время, вспоминая былые дни и рассказывая друг другу новости. Кабинет Стани был обставлен в стиле минимализма дешёвой, но почти новой мебелью, но главное – в кабинете работал кондиционер. Стас упал в чёрное кожаное кресло и наслаждался, овеваемый лёгкой прохладной струей.

Станя шутил и жаловался, что ему надоело отслеживать супругу для супруга или супруга для супруги, а то и бежать по следам исчезнувших домашних любимцев. Однажды он чуть

не опустился до поисков хомячка Дональда, но, по счастью, Дональд сам напомнил хозяйке о себе жутким запахом, после того как скоропостижно сдох в вентиляционной трубе. Стас слушал друга и в душе завидовал его интересной жизни: библиотечная атмосфера, несмотря на визиты известных людей, камерные концерты и тематические праздники, не могла сравниться с приключениями настоящего сыщика, который у Жеромского иногда ассоциировался с героями сериала «Шерлок». Поэтому-то он и соврал Зарембе, выдав себя за Станю. Конечно же, он понимал, что поступает отвратительно прямо на пороге офиса своего душевного друга, но услышав «дух без головы», ничего не мог с собой поделать: ну а вдруг ему удастся выследить кого-то вроде Степлтона из «Собаки Баскервилей»? Тогда он расскажет всё Стане и даже поделится гонораром, а потом они вместе шумно отпразднуют победу «охотника за привидениями». Если же ничего не выйдет, он сознается, и все лавры победителя достанутся другу. Но пока об этом не очень хотелось думать: хотелось провести самый незабываемый в своей жизни отпуск.

Отметим, что на прощание друзья обменялись подарками. Стас подарил два билета на единственное в Минске выступление группы «Roxette», которую приятель обожал, а Станя, зная о любви Жеромского к детективам, преподнёс ему внешне не отличимую от пистолета ТТ зажигалку и плечевую кобуру к ней. Так что библиотекаря-франта задержала в холле не боязнь окунуться в городское пекло, а желание невзначай приоткрыть пиджак для любопытных глаз.

Заремба суетливо пригласил «пана Станислава» в ближайшее кафе «Золотая Горка», но не предложил за него расплатиться. Стас из-за жары взял десерт «Клубничная ностальгия», лимонад мохито и льдское тёмное пиво. Поляк, напротив, заказал суп-гуляш, тар-тар из говядины, шоколадный флан и кофе с коньяком. Обедали они, конечно, в зале с «эр кондишен», как выразился пан Анджей, успевавший и управляться с едой, и рассказывать. Он оказался бизнесменом, который ранее оптом продавал польские яблоки в Россию. После введения антиросийских санкций бизнес быстро скис и перестал приносить доход, поэтому бизнесмен решил открыть отель, но не в Польше и не в России, а в Беларуси, потому что здесь выходило дешевле.

В этом месте пан Заремба решил сделать ремарку: дело слишком деликатное, и он надеется на сохранение личной тайны клиента. Только после великодушного кивка мнимого детектива выяснилось, что владелец гостиницы хочет усилить приток постояльцев не совсем обычным способом. А именно: в небольшой пристройке к отелю Заремба организовал «Музей нечисти».

– Патриотично, – приободрил клиента Стас.

Дело было в том, что большинство туристов отправлялось смотреть Несвижский замок, а пан Анджей хотел, чтобы они останавливались у него и пользовались чудесными услугами отеля «Умиротворение», тем более что буквально рядом находился небольшой разлив реки Лань и при желании можно было навестить старый город Клецк.

Пока что Стас ничего не понимал, но терпение – главное достоинство сыщика. Кроме того, пиво оказалось в меру холодным, что примиряло с затянувшейся болтовнёй собеседника. Оказалось, что в музее хранится богатая коллекция изображений и скульптур белорусско-польских народных духов и героев легенд, правда, большей частью это творения современных художников и скульпторов в жанре малой формы. Однако совсем недавно удалось приобрести несколько картин художника Казимира Ожешко, которого местный фольклор называет Безголовым.

«Если малоизвестные картины спёрли пропавшие люди, только леший их найдёт!» – с тоской подумал Стас, в первый раз услышав про безголового Ожешко.

– Картины украли? – спросил он, допивая пиво.

– Что?.. – удивился пан Анджей. – Картины на месте. Пропадают люди!

– Кто пропал? – просто-таки излучая терпение, откликнулся Стас.

– Сначала ночной сторож Сергей Липский, а потом, – Заремба перешёл на шёпот, – охранник, которого я попросил присмотреть за музеем; раньше он работал в милиции.

– Что вы хотите? – терпение Жеромского лопнуло.

– Как «что»? Найти причину исчезновения людей и устранить её. Я не хочу, чтоб у меня постояльцы пропадали.

– А они пропадали?

– Пока нет...

Совершенно неожиданно для себя Стас выторговал у толстяка аванс в тысячу евро (правда, с обещанием выплатить сумму после начала работы) и письменное обязательство заплатить ещё две тысячи евро в случае успешного устранения неприятностей. Он подозревал, что сторож Липский нашёл работу получше, а бывший милиционер по имени Ясь Быханько попросту растратил аванс Зарембы и сбежал. Искать пропавших Жеромский не собирался, достаточно было доказать, что в музее можно без проблем дожить до рассвета. Под обязательством он поставил выдуманную подпись, которая выглядела как «С. Сам...» с замысловатым росчерком в конце.

На прощание отельер пригласил пана сыщика приехать на выходные в городок, названный по имени близлежащей реки Лань, что Стаса вполне устраивало: днём можно искупаться в разливе, провести пару ночей в глупом музее и предъявить себя – целого и невредимого. С чистой душой забрать деньги и вернуться в Минск, чтобы отпраздновать это дело со Станей.

В Сураж Стас решил не возвращаться и остановился на ночь в каком-то хостеле. Утром в пятницу он выехал из Минска на своём гранатовом «Опель Астра» и добрался до местечка Лань к обеду. Милая белорусская провинция. Запруда на реке Лань была очень кстати; местные называли разлив длиной в километр Изумрудным озером. Берега там были пологие, песчаные, а вода действительно имела загадочный зеленоватый оттенок. Прямо на берегу этого озера, на Рыбацкой улице, стояла гостиница «Умиротворение» – светлая и довольно уютная. У главного входа имелся портик с крыльцом в стиле модерн с тонкими деревянными колоннами, над каждым окном нависли чёрные полотняные маркизы, была и обширная мансарда, подчёркнутая солнцезащитными стёклами. С основным зданием гостиницы сильно контрастировала длинная одноэтажная пристройка под вывеской «Музей нечисти». Облицованный имитацией камня музей, видимо, был задуман как древний трактир или овин и рядом с современным отелем выглядел неестественно.

Впрочем, это уже были заботы пана Анджея, поскольку гостинице на отшибе действительно требовалась реклама. После недолгой беседы Заремба познакомил Стаса с хранителем музея и, сославшись на дела, исчез. Правда, и от него была небольшая польза: он принёс обещанные Жеромскому фотографии сторожа Липского и охранника Быханько.

Хранителя звали Илья Михайлович Гулевич. Бывший учитель истории выглядел колоритно: невысокий, почти совсем лысый, он имел подвижное морщинистое лицо с кустистыми бровями домиком. От него Стас узнал некоторые подробности предстоящего дела. Единственным точным сведением о стороже и охраннике было то, что исчезли они внезапно, не оставив ни одной зацепки о причинах пропажи: ночью заступили на дежурство, а наутро как в воду канули. Липский исчез двадцать седьмого апреля, а Быханько – десятого мая. Илья Михайлович сообщил, что сам он никогда не оставался на ночь в музее, а после исчезновений – тем более.

Гораздо содержательнее оказалась экскурсия по музею нечисти: Гулевич прекрасно разбирался в том, о чём рассказывал, и делал это с любовью. К чести Зарембы, залы были оформлены в разных стилях: опушка в лесу, темница, в которой подвергались пыткам бедные ведьмы, корчма в Вальпургиеву ночь или картинная галерея. Прямо у входа стояла двухметровая вос-

ковая фигура Михала Жебровского в роли Ведьмака, выполненная очень натурально. Впрочем, разных злыдней здесь было гораздо больше: гыргалица, душащая мужчин, карлик с клешнями, хватающий девушек, демон в облике злого оленя, повешенная стрыга-вампир, зайцы с женскими лицами, огромный улыбающийся дракон и прочая шушера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.